

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РАССКАЗЫ НА
ЗАКУСКУ
ИЗУМНОВ Д.А

Денис Александрович Игумнов

Рассказы на закуску

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67210737

SelfPub; 2025

Аннотация

Рассказы, объединённые в сборник под одной обложкой не для того, чтобы просто напугать, а для того, чтобы приподнять завесу мрака и познакомить читателя с тем, что скрывается там – в подполье чуждого нам разума.

Слепой бог вечно идёт к пылающему в лихорадке скорой гибели городу, празднующему свою смерть оргиями и пьянством. Кинорежиссёр, расплачиваясь за свою доверчивость, попадает в машину пыток. Бодибилдер-любитель летит в Таиланд на отдых, и после бурной ночи в местном клубе похоти его ждёт откровение собственного тела. Путешественник по чужим фантазийным мирам вступает в схватку с ожившими персонажами-бунтарями, не желающими больше оставаться в узких рамках их вымышленного существования.

Жизнь бурлит тенями вероятных событий, пахнет фантомной болью спасения. Героям остаётся сделать последний шаг на пути откровения и понять свою природу, прорвавшись через порядки консервативных запретов до самой сути – до бездны источника своей заблудшей души.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Камор	4
Шкатулка криков	32
Прокаченное естество	60
Много читаешь, умнее не станешь? (Хи Хи Хи)	75
Глава 1. Знакомство	75
Глава 2. Встреча	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Денис Игумнов

Рассказы на закуску

Камор

В этот раз всё было по-другому. Волны безумия, источаемые разумом слепого бога – Камора, – накрыли город Чёрного Козла. Его тень окутала кварталы ополоумевшей от ужаса столицы королевства Божьих Коров. Под чёрной тучей, бурлящей пузырями жёлтого подбрюшья, прёт слепой беспощадный разрушитель, за собой он тянет шлейф непроглядной тьмы, полностью закрывающей горизонт. С ним, позади него и впереди, идёт его проклятое войско – восставшие из могил мертвецы, кровожадные вампиры, подземные собаки, летят крылатые твари, не имеющие человеческих названий, бредут невообразимые в своём ужасе демоны, скачут чёрные колдуны, маршируют попавшие под каток сознания бога люди, потерявшие всякий человеческий облик. Впереди всех верных рабов Камора вышагивает, подпрыгивая высоко вверх, предводитель войска мерзостного господина, его генерал, демон – Ободранный.

На многие мили вперёд перед войском Камора лежащее перед каменными стенами города поле опустело. Не поют больше птицы, не стрекочут кузнечики, не летают стрекозы,

цветы завяли, трава пожухла. Крестьяне побросали свои дома и хозяйства, поспешив укрыться в наскоро укрепленной столице королевства, убежали, испугавшись прихода слепого безумия и его ненормальных приспешников. Дует ветер, неся с собой из недр Проклятых Земель холодный, всюду проникающий смрад. Орда нечисти приближается к городу, скоро рабы подземного мира смогут начать штурм.

Камор, подтягивая обрюзгшее серое тело, кожа которого покрыта бородавками чудных наростов, пропахивает в сырой земле, напитанной ядовитой дождевой влагой, борозды шириной в несколько десятков метров. Он и идёт, и ползёт. Вот он останавливается и, поднимая мясистое лицо, выпирающее прямо из черепа, с сомкнутыми багровыми рубцами веками глаз, протяжно ревёт – «УУЖУУ УБУУУ УУ-УУУ». – Всё вокруг содрогается в вибрациях, как от колоссальной бурильной машины, будто врубающейся ржавым толстым сверлом в коренной зуб матери земли. – "БУУУУУ УКХУУУУ УУУУУУ".

Бог-демон чувствует молчаливое сопротивление своей воле, источник коего прячется в самом сердце непокорного города, оно беспокоит его. Он ощущает, как стены окружает и защищает фантом древнего рогатого змея, близкий к христианскому представлению о родоначальнике зла. Змей покровительствует противнику бога-демона, напитывая дух врага слепого зла флюидами упрямого сопротивления. Он не пугает Камора, змей приводит его в иступлённое бешен-

ство. Бог совершает стремительный рывок вперёд, неожиданно быстрый для горы плоти такого размера – делает шаг, другой и под собственной тяжестью проваливается под землю. Люди по подсказки их короля, точно рассчитав путь демона, выкопали здесь яму-ловушку. Более лёгкие приспешники тьмы прошли беспрепятственно, а их огромный предводитель проломил верхний слой маскировки из дёрна, травы и фруктовых деревьев, подломил внутренние опоры столбов и стремительно ушёл на дно ямы. Там его ждали остро отточенные осиновые колья, выточенные из целых стволов деревьев. Камор напарывается на них как гигантский кусок протухшего шашлыка. Будто проткнув нарыв, колья вонзаются глубже, принимая на себя потоки бордовой, густой, словно кисель, крови с прыгающими в ней кислотно-жёлтыми головастиками.

Камор открывает пасть и во все стороны разлетаются звуки, уродливо похожие на раскатистый смех буйнопомешанного, но, на самом деле, выражающими гнев – "АКХА ХА ХА ХАХАХАХА АААА!" – Бог-демон в ярости; его собственные слуги, оказавшиеся поблизости от ямы, гибнут от невозможности выдержать толчки потока чёрной злобы их повелителя. В их уродливых головах разрываются все кровеносные сосуды, а у некоторых лопаются черепа и на землю из них капает гниль, и падают красные черви. Вокруг ямы образовывается ведьмин круг, внутри которого все мертвы, кроме самого Камора.

На секунды бог теряет концентрацию и центр хаоса его мыслей перемещается внутрь него самого. Он подламывает собой колья, слезая, стаскивая самого себя с них. Его плоть, сама собой хватаясь за плохо обструганное дерево, вытаскивает колья из себя. Камор подтягивает себя из ловушки, опираясь на её края узлами кулаков. Над провалом в земле появляется его уродливая голова.

В то же самое время, когда Камор ревёт и беснуется, глубоко в глиняных норах канализации, тянущихся от города к реке, просыпается от тяжкого сна идущий в никуда и не по своей воле бывший трактирщик, ставшей невольным палачом всей своей семьи – Ла Фильер. Его окружает серый сумрак, света почти нет, только сквозь трещины водоотводных люков струятся его скудные блеклые ручейки. Вокруг пыхтят тени таинственных спутников трактирщика, может быть, такие же рабы, а может – просто здешние коренные невообразимые жители. Вонь застарелых фекалий смешивается с гнилостным смрадом ворочающихся повсюду пятен живого мрака. Ла Фильер чувствует себя слабым, коленки дрожат, голова раскалывается от боли. Его мозг, как будто истерзанный ментальными когтями чёрного духа, саднит, горит одной открытой воспалившейся раной. Он напуган до смерти и, если бы в его желудке что-то лежало, обязательно произошло бы спонтанное опорожнение. Но как бы он не себя не чувствовал, здесь, под изнанкой мира, он оставаться не собирался.

Ла Фильер летел на крыльях паники, не разбирая пути он бежал, падал и снова бежал вперёд. Сколько прошло времени с начала утомительного бегства вслепую от себя, тьмы и страха определить было невозможно, время там внизу, в артериях вонючего подземелья, движется по-другому. Трактирщику же казалось, что прошли часы. Неожиданно его метаниям в темноте пришёл конец. Ла Фильер вбежал в пятёчок яркого дневного света, разделённого на ровные квадраты теней, падающих от канализационной решётки. Туннели канализации не отличались особой высотой и Ла Фильер свободно достал до решётки рукой. Вцепившись ослабевшими пальцами в её прутья, он с усилиями, достойными более тяжёлых предметов, в несколько приёмов сдвинул её в сторону.

Выбраться наружу оказалось труднее, чем трактирщик думал. Истратив последние силы в лихорадочном забеге по километрам нечистот, он обыкновенным манером уже не мог подтянуться и покинуть яму. На шестой безуспешной попытке он понял, что так ему ни за что не справиться и не выбраться из ямы. Он слышал отголоски странной музыки и иногда шаги людей, но все его призывы о помощи оставались без ответа. Пришлось искать другой способ. Ла Фильер наковырял из стен достаточное количество глиняной плитки, при этом он обломал почти все свои ногти, выросшие за время блужданий в свите Камора до неприличных размеров, и всё же сумел соорудить для себя подставку необходимой величины.

Ла Фильер, наконец, выкарабкался, покинул воспалённые кишки большого города. Вынырнув из их темноты, он неожиданно для себя очутился на празднике. Водосточный лаз в канализацию находился в зажатом между домами проулке, его с трёх сторон окружали глухие стены, а единственный просвет с идиотской радостью мигал разноцветными огнями всеобщего карнавала. Горожане что-то праздновали. Так думал Ла Фильер, со стороны наблюдая весёлую суету. Трактирщик выглядел для праздника не очень – грязная оборванная одежда, измождённое, поцарапанное, избитое лицо и к тому же от трактирщика пахло (это ещё слабо сказано, от не несло тухлыми помоями). Но какой у него оставался выбор? Ла Фильер пошёл к людям.

При выходе из аппендикса переулка, ему путь преградила троица ввалившихся туда разгорячённых бормотухой горожан. Двое парней-подмастерьев тащили брыкающуюся молодой кобылкой девушку с длинными прямыми волосами, блестящими чёрным драгоценным блеском. На Ла Фильера они не обращали никакого внимания. Тот из подмастерьев, который казался повыше, с ехидной рожей ярмарочного клоуна, вывернул руки девушки назад и перекинул её через колено. Второй хулиган, с кирпичным лицом кузнеца или пьяницы, зажёг длинную каминную спичку и поднёс её к прекрасным волосам девушки. Волосы вспыхнули единым жёлто-красным лепестком яркого пламени. Бывшая брюнетка, в мгновение ока ставшая лысой, забилась в истерике и,

выворачивая себе суставы, пыталась освободиться. Подтёки расплавленной массы облепили её покрывшейся в одночасье краснотой ожогов приплюснутый с боков и вздутый на макушке череп. Женщина, ставшая похожей на новорождённого циркового уродца, лишилась всей красоты. Огонь сделал её страшной ведьмой.

Глумливый подмастерье вздёрнул девушку и, по-прежнему удерживая за руки, прижал к себе. Второй, в два ловких приёма сдёрнул с неё пышные юбки, бельё, но не стал их снимать до конца, а оставил висеть путами на лодыжках. Теперь она стояла с обнажёнными ногами и пахом, а туловище прикрывало порванная во многих местах кофта. Девушка, откинув обожжённую голову, завывала тоскливо и безнадежно. Внезапно красномордый насильник встал перед ней на колени. Из его рта вывалился широкий лопатообразный серый язык. Он согнутыми в когти пальцами грубо впился во внутреннюю поверхность ляжек жертвы и рывком раздвинул их в стороны. Подмастерье начал лизать – жадно, слюняво, со вкусом разминая чуть поддёрнутую пухом весны жизни вагину.

Дальше смотреть на это дикое шاپито, как, впрочем, и выручать из сомнительной беды облысевшую незнакомку, Ла Фильер не стал. Он вышел на улицу. Город веселился. На улицах бушевал праздник. Отовсюду звучала музыка, из окон свисали флаги, несмотря на дневное время суток – горели фонари и декоративные бумажные фонарики, коптили

факелы. Но было во всей этой суете нечто настораживающее, предельно искусственное, маскирующее под собой жуткое будущее, уже ждущее всех на пороге их общего дома.

Все как один пьяные в дым жители, с остановившимся взглядом разучившихся моргать глаз, с гримасами притворного веселья на бледных лицах людей, испытавших сердечный приступ, бесцельно катили по мощённой коричневыми булыжниками мостовой сразу во все стороны. Прибывая в трансе, бывший трактирщик брёл среди них.

Двери большинства домов стояли распахнутыми настежь. Под заборами, по берегам сточных канав валяются десятки неубранных с прошлой ночи разгульной резни трупов. Кого-то убили, кого-то затрахали насмерть, а кто-то сам свёл счёты с жизнью. Город, ощутив всепоглощающий ужас от приближения Камора, произвёл самоочищение от ненужного груза слабых и неготовых – ненужных. Теперь он праздновал, приветствовал грядущую смерть. Ла Фильер хотел забыться, освободиться от навязчивых мыслей о прошлом. Во что бы то ни стало выжить и начать всё заново. Он не знал, что за сумасшедший дом здесь твориться, но подозревал, что во всём происходящем вокруг есть доля и его вины. Хозяин близко!

Ла Фильер незаметно для себя очутился в квартале богачей. Около одного дома он задержался. Из трёхэтажного, богато украшенного лепниной и статуями особняка доносились протяжная, постоянно возвращающаяся к своему на-

чалу, притягательная мелодия. Её гипнотический трип приманивал, заставлял войти в распахнутые ворота. И Ла Фильер, не выдержав напряжения, поддался зову и направился к мраморным ступеням лестницы под портиком, поддерживаемым статуями пещерных медведей, искусно вырезанными из чёрного мрамора. Перед двухстворчатыми дверями на крыльце лежали груды одежды и обуви. Обойдя их стороной Ла Фильер, уже взялся за ручки дверей, когда из-под правой кучи накиданной в беспорядке одежды вылез старик в золотой ливрее – мажордом или дворецкий. Он поклонился, сохраняя во всей позе и особенно на морщинистом суровом лице холодное достоинство, и, указав на двери, произнёс:

– Прежде чем войти, вам необходимо снять одежду. Пожалуйста!

Ла Фильер разоблачился. Правила есть правила и когда ему что-либо подобное говорили – он подчинялся. Снять с себя эти обноски стало для него почти счастьем. Правда, он хотел оставить себе для прикрытия срама трусы, но золочённый привратник не позволил этого. Ла Фильер вошёл в дом таким же голым, как когда-то впервые увидел свет. Внутри происходило невообразимое, но в то же время очень ожидаемое Ла Фильером. Оргия. Потный жадный комок скользких тел сокращался в ужасе губительного восторга на краю всеобщей могилы. Скрученные похотью в один большой клубок бьющихся в каскадном оргазме нагих мужчин и женщин, похожий на исходящее любовным соком влагилище, гото-

вое принять в себя каждого, растворить в безличии порочного секса любого, подарить сладостное забвение всем. Люди, одуревшие от воплощения в жизнь своих так долго сдерживаемых запретных желаний, любили друг друга в разных позах и видах, разными способами и методами.

Ла Фильер вдыхает в себя источаемый самим воздухом терпкий пряный запах коитуса. Он служит феромонным катализатором. Его затягивает к ним – туда, в сад томных вздохов и заповедник пороков. Здесь все жидкости сладострастья перемешаны между собой – растленный пот, слюна похоти, любовная смазка, горячая сперма и даже пахучая мускусная моча. Ла Фильера незаметно, от тела к телу, как на конвейерах живого конвейера, переносит вверх на второй этаж. Вино льётся красными потоками, дымятся жаровни с дурман-травой, повсюду стоят прозрачные сосуды с мутью разноцветных жидкостей природных галлюциногенов. В этом доме разврата никто не знает отказа, каждый может играть ту роль, которая ему больше по вкусу.

Ла Фильера гладят десятки любящих нежных рук, прикасаются десятки влажных губ, лижут десятки языков. Манят к себе. Трактирщику предлагают себя inferнальные юноши, совсем юные девы, женщины с грудями пятого размера и осиной талией, старые и молодые, прекрасно сложенные и инвалиды. Он выбирает сразу трёх прекрасных, сверкающей нездешней красотой девушек. Трактирщик быстро становится мокрым от их поцелуев, при том его делают влаж-

ным даже там, где он и не предполагал раньше, что может очутиться чей-то рот или нежно щекочущий нос. Он тонет в омуте наслаждения, после тёмных месяцев рабства переноситься в рай приятной обезболивающей амнезии.

Совсем близко от происходящего падения в бездну животных желаний, всего в двух кварталах от особняка сластолюбивого богача, в королевском замке, в тронном зале, за накрытым обеденным столом восседал на троне в совершенном одиночестве король Хладомир. Длинный стол, заставленный разнообразными блюдами, деликатесами и венценосец, исподлобья смотрящий в никуда. Груды протухшей еды – кабаньи окорока, подёрнутые слизью зелёной плесени, пирамиды обтекающих коричневой гнилью фруктов, куски жареного мяса, ставшего законной добычей мух и червей, миски с похлёбками и закусками, превращёнными временем и жарой в дурно пахнущее желе, состоящее из сплошных плёнок болезнетворных бактерий. На всё это бывшее изобилие король взирал равнодушно, его дух витал далеко отсюда. Он давно ни с кем из придворных не общался. Единственным, с кем он поддерживал контакт, был новый начальник стражи и по совместительству магистр ордена "Воли" – Мор Благолепный. Статный мужчина пятидесяти с лишним лет, с высеченным будто из мрамора лицом и телом атлета.

Две части личности Хладомира – короля и маньяка, – соединились воедино, создав новое невиданное доселе в королевстве диво. Он осознал свою двойную сущность, при-

нял на себя бремя службы рогатому змею покровителю города Чёрного Козла. Импульсы приказов змея проникают красными вспышками в плавающей в темноте вечной ночи мозг короля. Они подпитывают его решимость, делают сопротивление с Камором осмысленным. Теперь и он, как и его покровитель, ненавидит слепца-разрушителя. Хладомир раздувается от силы, ему не принадлежащей. Он как сосуд, в который налили для временного хранения масло, молоко или вино. Только жидкость эта смертельно опасна, ядовита. Король единственный из всех способен на противостояние с великим кошмаром, на единоборство. Солдаты, защищающие стены деморализованы и, если бы не присутствие среди них рыцарей ордена Воли, давно бы разбежались по домам. Король один.

Хладомир запускает пятерню в вазу с когда-то красным виноградом. Ягоды большие, но уже потерявшие блеск и упругость. Их поверхность обвисла и покрылась лунками морщинистой вялости. Король сжимает в кулаке гроздь испорченных ягод и между его пальцев брызгает кислый забродивший сок, ползёт жёлтая мякоть. Дух маньяка-короля отделяется от тела. Да, он служит злу, но другому злу, для которого Камор неуправляемый беспредельщик, угроза всему живому и мёртвому, угроза порядку.

Дух Хладомира ищет и быстро находит предмет поиска – сознание слепого бога. Они сталкиваются. Камор атакует, его ментальные клыки грызут алмазную скорлупу разу-

ма Хладомира. Даже со всей мощью поддержки змея король может только защищаться – не пускать это чудовище внутрь себя. Разведка боем оборачивается для Хладомира сущим кошмаром. Он мечтает лишь об одном – вырваться из липких объятий щупалец нематериального осьминога. Цель Хладомира обмануть, увлечь Камора противоборством, дать время на ответные действия змею, но давление оказывается слишком сильным, слишком опасным. Его высохшее от перенапряжения и поста тело начинает трястись, Хладомир сопротивляется изо всех сил.

Сам бог-демон, чувствуя нарастающее раздражения из-за такой упрямой непокорности короля, всё же увлечённо движется к городским стенам, посылая вперед себя всё своё нечестивое войско. Начинается штурм. Первые на стены, преодолев глубокий двадцатиметровый ров, как стаи трескучих тараканов, карабкаются вампиры. Среди них мелькают исковерканные лики демонов, но самым первым взлетает к бойницам генерал армии, красный демон без кожи, кусок кровоточащего мяса – Ободранный. Одновременно с атакой с земли город накрывает, словно тучные поля пшеницы облако саранчи, летающие твари – зомби с крыльями летучих мышей. Солдаты в панике и некоторые бегут со своих постов, но они падают сражённые мечами рыцарей Воли. Убивая трусов, рыцари кричат:

– Назад! На стены! Или все вы сдохнете!

Они подбадривают робких ударами рукояток своих мечей

и секир. Гонят обезумевших от страха людей обратно на стены, на бойню. Воля рыцарей крепка, они готовы к смерти. Вся их предыдущая жизнь служила подготовкой к этому сражению. Своим примером они воодушевляют малодушных, подбадривают смелых, вселяют надежду в души слабых.

Всё давно подготовлено к обороне, рыцари ордена позаботились обо всём заранее. В котлах кипит смола и дымиться стальным жидким зеркалом расплавленный свинец. Гигантские и простые арбалеты заряжены заговорёнными стрелами. Медные трубы огнемётов, подключенные через двуручные насосы к бочкам с зажигательной смесью, своими раструбами, купающиеся в огне костров, наклонены в направлении наступающих врагов. Освещённое оружие вытасчено из ножен и крепко сжато в мозолистых ладонях воинов. Магистр ордена, Благолепный Мор, построил оборону, состоящую из трёх эшелонов. Сначала оборона главной стены; при прорыве первой линии войска отступают на вторую линию, отстоящую от первой на квартал домов (в основном утлые жилища бедняков, по традиции селящихся на окраинах города). Вторая линия состоит из баррикад, перетянутых поперёк улиц цепей, оборудованных на крышах и чердаках гнёзд для лучников. Высокие добротные и редкие там здания, построенные из камня, соединены между собой, превращены фортификаторами во вторую городскую стену. Третья и последняя линия обороны – королевский дворец.

Первая паника проходит, большинство защитников горо-

да впадает в лихорадочное состояние смирившихся с надвигающейся опасностью гладиаторов. Смерть становится их судьбой. Город накрывает наползающий дым сверкающих огненными стрелами алых молний чёрных туч. В середине дня наступают багровые сумерки.

Навстречу ползущим на солдат по стенам упырям летят стрелы, камни. Кровососущих камни сталкивают целыми цепочками в ров, на его каменистое дно. Сдержать их поток очень трудно, на головы мерзких тварей из закопчённых котлов начинает литься кипящая смола и жидкий свинец. Они визжат, жарятся и всё равно лезут наверх. Впереди скачет Ободранный, одну половину его тела заливают налипающая на мясо чернота смолы. Он не чувствует боли, от него исходят ударные волны воздуха, как после взрыва, они отбрасывают защитников стен назад, многие из них катятся по лестницам в город, вылетают из бойниц. Перед Ободранным образуется широкий коридор. В один большой скачок он оказывается на стене. Победа нечисти близка, раз их генерал взобрался, значит он теперь стал похожим на вожака волка, ворвавшегося в середину овечьего стада. Из его горящих адским огнём лёгких рвётся наружу рёв тираннозавра.

Битва, едва начавшись, грозит закончиться банальной резнёй. Рыцарь ордена Воли, стоящей на башне рядом с большим арбалетом на шарнирных суставах, отталкивает солдата, занимает его место, одним плавным движением направляет арбалет на орущего о великой радости Ободранно-

го и спускает стрелу. Всё происходит за доли секунды, между рёвом и свистом стрелы, напоминающей летающий, заострённый, с одной стороны, столб, проходит меньше секунды. Ободранный не успевает закрыть рта – в него врезается стрела. Его преждевременная спесь подводит его. Демон поднимает на воздух и выбрасывает за стену. Ободранный, кувыркаясь, с осиновым колом стрелы в животе брякается об землю. Странно, но такая мощная стрела не смогла пробить его тело насквозь – в него вошло только половина острия. Края раны начинают дымиться, магический заговор дерева действует. Демон гортанным клёкотом созывает к себе вурдалаков и оборотней. Те, взаимными усилиями помогая друг другу, обгорая сами от соприкосновения с заговорённой стрелой, вытаскивают её. Ободранный поднимается на прямых ногах, из вспоротого живота свисают гирлянды кишок. Он наматывает их на локоть и вырывает с корнем. Дыра раны закрывается, стягивается белой плёнкой. Больше не придавая ранению значения, он снова идёт на штурм.

Израсходовав весь запас стрел и камней, солдаты пускают вход огнёмёты. Расчёт каждого огнёмёта состоит из пяти человек. Двое накачивают горючую смесь насосом из бочки в медную трубу; ещё двое направляют её на цель; а пятый поддерживает под раструбом огонь нужной величины. Секретный состав смеси знают только служители ордена, и именно они её в тайне от чужих глаз изготавливали на протяжении нескольких последних тревожных месяцев, начиная с того

самого часа, как стало понятно – вторжение зла с Проклятых Земель началось. Несколько компонентов делают смесь не просто горючей, они делают её абсолютным оружием их мира. Струи всепожирающего огня могут расплавить железные щиты и самые крепкие кольчуги рыцарских доспехов, и они оказываются весьма действенным средством сдерживания атак монстров. Горящие комки слуг загробного мира осыпаются окалиной с горящих стен. Жидкий огонь стекает в ров, заполняет его, на время преграждая путь остальным кровопийцам и людоедам.

Наступает хрупкое равновесие. Армия нечисти не может атаковать, а защитники стен не могут победить. На арену битвы выходит Камор. Он добрался до ворот и стоит, по колено утопая в огне. Бог-демон бьёт по стенам сжатыми, надутыми его кровью, лиловыми подушками кулаков. Стены дрожат, камень крошится, летят осколки, поднимаются облака пыли. Камор отламывает зубья стен, рушит башни, сметает солдат и рыцарей, давит их, словно клопов. Пламя, летящее из огнемётов на бога, не причиняет ему вреда, наоборот, оно его ласкает. Царь подземного мира дружит с огнём, он всегда был его излюбленным инструментом разрушения. Вскоре запас горючей смеси истощается. Огонь начинает затухать, а вместе с этим штурм упырей возобновляется. Магистр ордена решает отвести войско на вторую линию обороны.

В тот самый момент, когда Камор наносит первый удар по

литым железным створкам ворот, внутри города из всех канализационных ям, отверстий, начинают выползать живые трупы и попавшие в рабство к хозяину тьмы обычные дистрофично исхудавшие чумазные люди, ставшие неотличимыми видом от их спутников – полуразложившихся зомби. Их послали в обход. Удар отступающим королевским войскам наносится в тыл. В рядах диверсантов должен был оказаться и трактирщик, если бы не счастливая случайность разомкнувшей связь ямы-ловушки, в которую угодил разрушитель.

Мертвецы вторгаются в открытые двери домов, пожирают очумевших от браги и страха горожан и набрасываются на солдат, не давая им спокойно занимать дублирующие места обороны. Офицеры выстраивают солдат ромбами, острия которых, ошестинившись копьями, направлены в передней части на упырей, демонов и оборотней, а широкое основание боевого порядка, размахивая мечами-топорами, режет толпы оживших мертвецов. Ромбы воинов пятятся назад, пытаются добраться до защитных баррикад.

В крайний передний ромб врезается покрытый зелёными бородавками трёхметровый жабодемон. Он нарушает строй и ломает пехотинцев, как сухую солому. Сломанных воинов он суёт себе в широкий, раззявленный ковшом рот, активно помогая себе длинным хлыстом синюшного языка. Офицера, засунувшего ему между ребер пику, жабодемон вдавли-вает ногой в пыль мостовой – из-под лат рыцаря брызгает

красный сок крови, рыцарь становится похож на раздавленную клюкву, застрявшую в мармеладе блестящих доспехов.

За демоном следуют упыри, а с тыла раздражают защитный строй ромба на части зомби. Мертвецы, не стесняясь, вгрызаются в шлемы, разрывают истлевшими пальцами шеи, валят солдат гуртом. Упыри, обладая медвежьей силой, подбрасывают затянутых в кольчугу воинов, будто оловянных солдатиков, ловят на свои когти, как на острия стилетов, и, расширив разрезы до удобных для их алчных ртов размеров, с наслаждением хлебают кровь.

За считанные секунды от атакованного жабодемоном ромба не остаётся ничего – все воины пали, став жертвой ненасытной нечисти. Остальные, оцетинившись мечами и копьями, продолжают отступление. Однажды добившись успеха, силы зла продолжают использовать тактику тарана, пуская впереди всех крупных демонов, а когда те нарушают порядок построения, в дело идут остальные хищники ночи. Борьба продолжается с переменным успехом. Где-то ромбический строй дает трещину, а где-то атакующих первыми демонов удаётся остановить. Худой демон, жилистый и чёрный, как головешка, падает первым. Центральным ромбом командует сам магистр Мор и он удерживает подчинённых в железных объятьях своей воли. Дисциплина и личный пример магистра дают хороший результат. Демон сутулым насекомым насакивает на ромб командующего; его тело, утыканное стрелами, словно ёж иголками, натыкается на лезвия мечей, вис-

нет на остриях копий и заваливается на бок. Он начинает дымиться, растворяться, переходя в состояние большой воючей лужи, от которой валит коричневый пар.

Следующим рыцарям удаётся уничтожить демона Хохо-туна, постоянного смеющегося вертлявого убийцу с рожей слащавого арлекина, ростом с обыкновенного, но очень толстого человека с раздувшейся от кишечных газов головой имбецила. Его наскоки встречают щиты пехотинцев и когда он отваливается назад, два рыцаря вооружённых секирами выбегают из-за спин солдат и разрубают его на три части. Отрубают руки и ноги, а ошмётки головы пинками отправляют прямиком в бегущую на них стаю оборотней.

До второй линии обороны остаётся не более ста метров, но они сплошняком заполнены мертвецами и уцелевшие в бою ромбы отрядов королевской армии вязнут в этом болоте мертвой, жадной до свежих мозгов плоти. К нечисти подходит подкрепление – отряд старших демонов, возглавляемый пришедшим в себя от полученных ран генералом Ободренным. Он распределяет своих адских дружков по ромбам пехоты. На правый фланг он отправляет демона Коня – заросшее диким волосом пузатое тело с белой, горящей фосфоресцирующим светом лошадиной головой, а также сиамского демона – трёхного мутанта с вросшим в его пах взрослым близнецом, вертящего непристойно мускулистыми руками и пустыми рыбьими глазами – наполненными синей водой мешками. На левый фланг Ободренный посылает лесно-

го демона людоеда – грудастого гермафродита с тысячью глаз на безротом лице и шарообразного демона, колючую голову которого занимает один сплошной зубастый рот. На центральный ромб генерал идёт сам, а за ним ползут десятки порождений кошмаров, приснившихся сотне душевнобольных в сотне параллельных миров. У некоторых вместо рук змеи, другие непомерно раздуты, а их ноги напоминают слоновьи, мягкие, как воск, лица искажены меняющимися в калейдоскопическом порядке злобными гримасами. Здесь в авангарде войска кладают клыками, грохочут голосами рогатые и крылатые фурии. Неплохая поддержка израненным демонам первого ранга.

На каждый ромб приходится по два, а то и по три демона. Магистр понимает – всё кончено. Вперёд выходят все оставшиеся в живых рыцари ордена Воли. Они готовы принять последний бой на этом свете. Солдаты им с почтением и корыстной радостью, подогреваемой желанием прожить несколько лишних минут, освобождают места в первых рядах. На секунду всё замирает и люди, и нечисть словно превращаются в лёд. Раздаётся звук оглушительного взрыва. Это падают городские ворота, сокрушённые силой Камора. Когда он доберётся сюда, люди не смогут даже погибнуть с доблестью, их всех ждёт либо долгая мучительная смерть, либо, что в тысячу раз хуже – вечное рабство. Рыцари не хотят такой участи, они верят в реинкарнацию в других мирах и в другом времени, и только Камор может им помешать

стать бессмертными героями былинных сказаний. Братья ордена, все как один, выходят из строя и контратакуют чудовищ. Они жаждут, прежде чем умереть, как можно больше созданий мрака нарубить в капусту. Для них важно принять благородную смерть в бою до прихода слепого бога.

Покойники расползаются заразной болезнью по всему городу. Доходит очередь и до дома богача, где в самом разгаре оргия. Мертвецы появляются неожиданно, на закуску сжирают дворецкого и ордой дурных захватчиков вваливаются в дом. Поначалу их не замечают и только после того, как трахающихся людей начинают жевать заживо, голых развратников охватывает ужас скорой смерти. Защищаться они не умеют, им остаётся спастись бегством. Но они, отупев от страха и похоти, бегают по кругу, тряся влажными разгорячёнными половыми органами, сталкиваются друг с другом и гибнут в мёртвых руках, отдавая свои мозги в дырявые желудки оживших трупаков и нелюдей людоедов – приспешников разрушителя.

Мертвецы толпой поднимаются на второй этаж, где и крики агонии умирающих внизу не пробудили разум увлечённых сексом прелюбодеев. Ла Фильер, забыв обо всех своих бедах, увлечённо наяряивает загорелую блондинку, судя по упругому, чуть полноватому телу, крестьянку, когда до его обнажённых ягодич касаются чьи-то ледяные пальцы. Он думает, что это вновь любители содомского греха предлагают ему свои интимные услуги и, нахмурившись, оборачивает-

ся, собираясь, как и прежде, дать им понять, что он не из их братии. Повернувшись, трактирщик, ещё никого конкретно не увидев, говорит:

– Отвали, приятель, я не из ваших!

И только тут Ла Фильер замечает, что над ним нависает не противный голубой развратник, а самый что ни на есть настоящий зомби. Кожу и вяленное временем мясо сорвало с черепа и закрутило в рулоны гнилой стружки, на подбородке и шее создав брыжи из коричневой плоти. В глазницах, заполненных истлевшими листьями, шевелятся незримые личинки и мошки, движения которых придают выражению лица мертвеца зловещую осмысленность. У него между зубов застряли кровавые нитки сухожилий предыдущей жертвы. Зомби кряхтит и, наседая на Ла Фильера, делает рывок в сторону его головы. Зубы щёлкают в миллиметре ото лба трактирщика.

Трактирщик перекатывается с девушки на пол и усиленно болтает ногами – быстрее хочет встать. Зомби переключает внимание на девушку. Она, увидев, кто лишил её законного оргазма, визжит так, что закладывает уши. Вслед за ней и все остальные женщины и мужчины в комнате начинают орать. В дверь валят все новые мертвецы. Они хотят жрать. Их пир начинается. Ла Фильеру ужасно не хочется стать чьим-то обедом и он, пользуясь всеобщей суматохой, выбивает бронзовым подсвечником окно и как был в костюме первого человека на земле, так и выскакивает на улицу. В

нескольких местах он режется, но это пустяки по сравнению с тем, что с ним могли сделать в доме.

Трактирщик поднимается, у него, как это ни странно, всё ещё сохраняется эрекция. Сад вокруг него кишит зомби, и они его уже заметили! Ла Фильер бежит, как он думает, к летнему домику для гостей. Люющийся с неба сумрак зигзагами прочерчивают красные всполохи совершенно бесшумных молний. Ветер свистит в его ушах, из каждой тени на него смотрят красные уголья глаз, тянуться костистые руки и хрипят пересохшие глотки. Он вихрем залетает в домик, запирает массивную дверь, приваливает к ней шкаф, поддвигает скамейку.

В дверь начинают стучать, трактирщик вздрагивает от каждого стука и отходит вглубь горницы. К счастью, маленькие окошки защищены колючими, сделанными в форме извивающегося плюща, прутьями решёток. Он оглядывается по сторонам и понимает, что попал в баню, причём в баню для прислуги. По периметру комнаты стоят двухъярусные лавки, кадки, какие-то горшки глиняные, под потолком висят веники. В углу насупилась на незваного гостя белёная большая печь. Ла Фильер приглядывается и в мигающем красном свете, идущем из окон, замечает, что на ней кто-то сидит и смотрит на него. Бабка! На него уставилась дряхлая бабушка! Она соскакивает с печи на пол и затем по горшкам, по горшкам, по горшкам!

Бабка стремительно приближается к нему и Ла Фильер

понимает – она дохлая, давно дохлая. Он рискует тем, что эта бабка станет его последней невестой. Она подсакивает к нему, трактирщик встречает её ударом в нос. Ощущение такое, что он ударил по кулю пыльных тряпок. Бабка прилипает к нему ледяным пластырем, пытаясь кусать беззубым ртом. От неё жутко пахнет сыростью, прелью и гнилым луком. Откуда она откопалась? Трактирщика передёргивает дрожь омерзения от текущих по его груди вонючих слюней. Ла Фильер толкает бабку, она хватается за горло – вместе они падают. Начинается мерзкая возня. Они закатываются под лавку, под руку Ла Фильеру подворачивается железный ковш на длинной рукоятке. Он выползает из-под лавки первым, встаёт на лавку и дождавшись, когда высохшая черепашка бабки появляется, лупит её изо всех сил её по темечку. Бьёт её снова и снова, пока череп не распадается, кожа не трескается и кости не дробятся в сыпучий серый песок. Выпавшие из черепа глаза, очумевшими слизнями уползают в темноту угла. Он победил.

Ла Фильер по-прежнему полностью обнажён, стоит на первой ступени в тёмной клетушке бани и держит в руке ковшик для воды, а вокруг дома ходят раздосадованные его удавшимся побегом голодные зомби. Увидев себя, как бы со стороны, трактирщика сотрясает истерический смешок. Конечно, ему не до смеха, он смертельно устал и хочет домой – в то место, которого у него никогда больше не будет. Он садится на корточки, машинально теребя мошонку. Что делать

дальше? Сдаваться на милость слепого ужаса он не собирается. Проходил. Словно на его мысли о дальнейшей судьбе в ответ с улицы раздаётся громкий шум и оглушительный гул. Камор в городе, а значит всему и вся приходит конец. Встретаться с ним повторно Ла Фильер не имеет никакого желания. Как говорили раньше в воровском квартале перед тем, как пырнуть жертву грабежа ножом: "Сегодня ты, а завтра я". Только вот трактирщик совсем не хотел умирать ни сегодня, ни завтра.

Во дворце, в единственном месте в городе, где ещё нет нечисти, в тронном зале по-прежнему в одиночестве сидит Хладомир. Он прибывает в связующем его и слепого бога трансе. Силы короля на исходе, кожа на щеках ввалилась и приобрела желтоватый оттенок, из носа и из глаз не перестаёт идти чёрная кровь. Губы, подбородок и зелёный камзол залиты ей. Через наглухо закрытые двери и плотно прикрытые, зашторенные парчой окна проникает прибойный шум криков, слившихся в жужжание великого роя погибающих людей. Смерд от испорченных изысков обеденного стола уже давно не беспокоит короля. Слуги и охрана по негласному соглашению, опасаясь королевского гнева за нарушения запрета его уединения, не входили к нему неделю. К тому же им мешало открыть двери шестое чувство, предупреждающее каждого из них, даже самого тупого, не делать этого. Для ослушников такое нарушение наверняка окончилось бы смертью. Хладомир при необходимости сам выходил и раз-

давал никому непонятные приказы, которые, впрочем, выполнялись безукоризненно.

Магистр Мор, до недавнего времени, мог понять короля, но теперь он бился в смертельном бою и увидеть ещё раз своего повелителя ему не позволит Ободранный. Правда, ма-
няк Душеглот, он же король Хладомир, больше не нуждался в общении, ему перестал быть кто-либо нужен. Всё его естество растворилось в изначально неравной битве разумов с легко прогнозируемым концом. Король просто не имел возможности выиграть, рогатый змей использовал его как приманку, наживку. Камор должен был телепатический крючок с Хладомиром на конце поглубже заглотить в лабиринт своего больного сознания. А король, словно южноамериканская рыбка, растопырившая иглы своих плавников, застрявшая в мочеиспускательном канале неосторожного купальщика, стальным крючком вонзился в тень глотки разрушителя, отвлекая бога навязчивостью соринки, застрявшей в глазу. И вот, когда оборона психики Хладомира начала разваливаться на листы горящей фанеры, лукавый змей нанёс удар.

Время делается скользким, как лёд. Оно буксует, прокручивается, уходит из-под великанских ног Камора. Он оказывается запертым на коротком участке реальности, вечно бредущем к ненавистному козлиному городу. Ему ничего другого не остаётся, как общаться с великим множеством миром с помощью бледных своих ипостасей. Способность влиять на других, убивать и мучить он сохраняет только в сво-

их снах, опосредованно заражая вирусом насилия на расстоянии, через века и параллельные вселенные. Но сам Камор навсегда лишился возможности разрушать. Теперь он пленник в клетке, прутья которой состоят из минут и часов, бесконечно бегущих по кругу. А вместе с этим, так кстати для людей, заевшим механизмом город и все его жители, король, трактирщик, демоны, зомби и остальные проваливаются за горизонт событий – в душную яму нескончаемых повторов. Они становятся забытыми персонажами сказок, теневой стороной легенд страны Божьих Коров.

Хитрость змея побеждает грубую силу слепого разрушителя. Котлы со смолой кипят, боевые барабаны бьют; и к сгорающей в пламени собственных пороков столице королевства вновь приближается подземный бог ужаса.

Шкатулка криков

Дэн Гордон вышел из торгового центра около половины второго. В этой когда-то великой державе, а теперь прозябающей под пятой тоталитарной тирании стране можно было до сих пор вкусно и дёшево поесть (местная еда действительно потрясала, не испорченная массовым производством и химией, как говорили у него на родине – экологически чистая), а ещё в местных магазинах продавалась отлично выделанная кожа. Изделия из неё ценились во всём мире, а здесь куртку из буйволовой кожи, лопатник или сапоги продавались за какие-то смешные деньги, и разница в цене могла достигать двухсот-трёхсот процентов. Дэн никак не мог остановиться и продолжал покупать, он любил кожу и у него в номере стояли уже два битком набитых чемодана изделиями местных фабрик.

Перед торговым центром веером раскинулась автостоянка, а громкоговорители, прикреплённые где-то наверху, и сюда транслировали ненавязчивую мелодию, своей домашней умиротворённостью влияющую на покупательскую способность посетителей. Дэн не возражал, ему нравилась такая располагающая к шопингу атмосфера. Он отоваривался в трёх километрах от побережья, ему импонировал здешний торговый центр – и людей мало и выбор богатый. И потом, дующий с побережья ветер доносил тёплый просоленный за-

пах южного моря.

Жары, как таковой, не чувствовалось, прекрасный климат для жизни. Дэна, как кинодокументалист по профессии, известного своими честными политическими фильмами далеко за рубежом, пригласили в Главазию около двух месяцев назад лично по поручению президента, диктатора и палача. На родине Дэна Гордона много каких ужасов рассказывали про его жестокий полицейский режим, и поначалу он не хотел сюда ехать. Он переменял своё мнение после одной знаковой встречи, на которой ему настоятельно посоветовали согласиться на предложение президента снять о нём и его народе честный фильм. Получив необходимые инструкции и пояснения, он отправился в путь. Перелёт на стратосферном авиалайнере занял всего час. А через сутки после того, как его поселили в президентском номере самой роскошной гостиницы столицы, он уже брал первое интервью у президента Главазии – Серджио Дракача.

Сейчас его миссия подходила к концу. Материал фильма практически был готов, также Дэн закончил здесь и вторую, не явную, часть своих дел. Послезавтра он должен был покинуть здешний климатический рай. На душе у него поселилось беспокойство, родившееся из-за несоответствия внешнего образа президента Дракача и его известных всему миру, неблагоприятных поступков. Он железной рукой вырывал из почвы свободы все ростки демократии, оставляя за собой единоличное право вершить судьбы народа в целом и каж-

дого гражданина страны в отдельности. Репрессии, запреты, ночные карательные рейды специальных подразделений полиции стали его основными инструментами управления обществом. Вся экономика Главазии ориентировалась на военную промышленность. Его куратором также стал военный – заместитель министра обороны Коско Славутич, с первого взгляда располагающей к себе, придерживающийся вполне демократических, хотя и несколько умеренных взглядов, простодушный дядька. Встретив его где-нибудь без чёрной униформы танкиста, невозможно было бы догадаться, что он хоть каким-то боком принадлежит к военному сословию.

В основном люди, как заметил Дэн, здесь жили трудно, хотя разделения на богатых и бедных не было. Никто не жаловался, не выражал открыто своего недовольства, потому что, как думал Дэн, – боялись. Но почему-то президента уважали простые люди. Этого он понять не мог. Научившись за долгие годы общения с совершенно разными личностями, безошибочно различать сермяжную правду и откровенную ложь, Дэн видел, что диктатора любят. Он видел, что народ верит Серджио Дракачу – и это вселяло в сердце червяк глобального сомнения. Дэн всё чаще задавал себе вопрос – "Правильно ли я поступаю? Тем ли людям я помогаю? И не лучше ли мне было остаться дома?" – Сегодня эти тревожные мысли его не мучили, сегодня он решил забыть обо всём и просто расслабиться.

Выйдя из центра, Дэн направился к припаркованной неда-

леко от центрального входа машине. Дэн подошёл к багажнику и поставил сумку с покупками на асфальт. До его слуха донеслись звуки открывающихся дверей соседней машины, стоящей позади него. Он на них не обращал внимания. А зря. К нему со спины быстро, словно в ускоренной съёмке, бесшумно приблизились в ботинках на каучуковой подошве четверо спортивного вида мужчин. Все в коротких кожаных куртках и синих широких джинсах. Круглые шары их голов обтягивали плотные коричневые чулки, полностью скрывающие индивидуальные особенности их внешности. Дальше всё произошло в мгновение ока. Синхронно, тренированными движениями двое из них схватили Дэна под руки, а третий шарахнул его по голове короткой тяжёлой дубинкой. Четвёртый бандит к тому времени, когда бесчувственное тело режиссёра запихнули в багажник его собственной машины, успел сесть за руль и завести мотор. Похитители уселись в салон и никем незамеченными уехали со стоянки.

Очнулся Дэн, сидящем на железном стуле с прикрученными к полу ножками, в комнате с белыми железными стенами в крупных заклёпках. Его руки, заведённые назад, сковывали наручники. Голова после удара почти не болела, лишь её правая часть до лба онемела – и всё. Перед ним сидели двое человек за необычным столом, сделанным скорее всего на заказ. Такой письменный стол походил больше на парту с эргономическими индивидуальными вырезами для каждого сидящего за ней. Первый – худой мужчина, и сидя, выгля-

дел высоким. Коротко остриженная голова с глубокими залысинами, формой похожая на поставленный торчмя гидропонический огурец. Крупные черты лица, постоянно плотно щурящиеся, такие как бывают у близоруких, глаза цвета коричневатого янтаря. Одет худой мужчина был в клетчатую рубашку, остальные предметы туалета скрывала передняя вертикальная плоскость стола. Его Дэн видел впервые. Второй – с квадратом широких плеч, волосы уложены гелем на пробор, пугающей своей идеальной, правильной, неземной геометрией. Своё сильное, по-настоящему мужское тело он скрывал под белой рубашкой с закатанными рукавами, из которых торчали мясистые предплечья, обильно заросшие золотистым волосом. В комплекте к рубашке шёл синий с желтыми прожилками, сверкающими битым стеклом галстук. Выражение его лица, охваченного паутиной мимических морщин, закаменело в символической неподвижности памятника. Дэн Гордон тоже не был с ним знаком, но вот его глаза, казалось жившие отдельной от его замурованного лица жизнью, напоминали кого-то очень знакомого. За спинами двух сидящих боссов стоял, едва не достающей макушкой низкого потолка, национальный гвардеец Главазии в серой форме, затянутый серыми же ремнями, безжалостный, выдрессированный в беспрекословном повиновении приказам вышестоящих чинов головорез. И за спиной Дэна сторожили ещё два таких же безупречных солдата-убийцы. Он почувствовал бы их присутствие даже если бы не видел отра-

сываемые ими устрашающе длинные тени. Гвардейцы ежесекундной готовностью к любому насилию давили на его затылок и спину, давили тяжёлыми танками своего служебного долга. А что больше всего угнетало, пугало, они делали это вполне охотно, тупо и безапелляционно убеждённые в правоте президента Дракача и своих командиров.

Увидев, что он очнулся, худой босс со вкусом, медленно почмокав губами, произнёс:

– Вы на подводной лодке. Не повезло.

В подводную лодку Гордон поверил сразу. Стоило обратить внимание на неестественную царившую здесь тишину и на эти стены, и всё вставало на места. Да, он на подводной лодке и это ему не повезло, а ни как могло показаться вначале, после второй фразы худого, что не повезло кому-то другому или самому боссу.

– Вы можете говорить, господин Гордон?

– Да, – ответил Дэн, но у него это прозвучало как – «Дла». Словно утвердительно ответив, он собирался тут же сблевать. Такие удары по голове просто так не проходят, знаете ли.

– Вы, конечно, понимаете почему вы сюда попали?

Он собирался продолжать, явно считая заданный им вопрос риторическим, когда Дэн перебил его и неожиданно даже для себя самого ответил:

– Ни малейшего понятия.

– Даже так, – поразился худой, ещё больше прищури-

шись. – Вы мне казались умней. Ну да ладно. В конце концов, это сейчас не имеет никакого значения. Гений вы или слабоумный – у вас нет выхода. Даже теоретически нет шансов сбежать отсюда. Мы на совершенно бесшумной секретной подводной лодке, в открытом океане, очень далеко от берега. Лежим на дне, на такой глубине, что нас и со спутника обнаружить нельзя. Да и чем бы это вам помогло? Ничем. Штурмом можно взять любую крепость, любой бункер. Залезть в любую дыру, любую щель, хоть в задницу дьяволу! Но на подводную лодку проникнуть извне нельзя. Невозможно. Понимаете?

– Зачем вы мне всё это говорите? Я не супермен, я всего лишь режиссёр, снимающий правдивый хвалебный фильм про вашего президента. – Дэн сам не понял, как у него получилось с такой неприкрытой иронией сказать про свой фильм.

– Небольшая поправка – уже снявший фильм. Ведь вам осталось его всего лишь смонтировать. Ведь так?.. А ещё вы шпион. Перед поездкой к нам вас завербовали люди из центра заграничных операций. Нам всё известно, Дэн. Вам нет нужды от нас что-либо скрывать.

– А я и не собираюсь от вас что-либо скрывать.

– Очень хорошо. Тогда вы расскажите, где скрываются путчисты? Кто они? Каковы их планы?

– Нет.

Всё время сидевший молча второй босс встрепенулся, но

так ничего и не сказал. Худой продолжил допрос:

– Что нет? Вы не знаете кто они? Где они?

– Я не буду ничего вам говорить.

Дэн сказал правду: он не был супергероем, но и половой тряпкой он себя не считал. Когда его вербовали, ему говорили, что вариант с провалом и последующими пытками исключать нельзя, и он психологически готовился к этому, ведь ехал-то в гости к тоталитарному лидеру, а не на загородный пикник. Хотя как к такому можно быть готовым? Он с детства умел терпеть боль, и когда другие дети плакали навзрыд, ободрав коленку, он крепче сжимал зубы. На спор мог порезать себе палец перочинным ножом или засунуть руку в гнездо диких ос.

Наверное, его терпеливость в большей части обуславливалась генетикой, но и упрямый характер играл здесь не последнюю роль. Он много повидал на своём веку, особенно в молодости жизнь поваляла его на дороге жизни, прежде чем шторм судьбоносных событий в её мутном бульоне не прибил Дэна в гавань творчества, сделав относительно независимым художником. Но до этого он успел поработать спасателем, пожарным, санитаром в больнице для душевнобольных (невероятно ценный опыт) и ещё много кем. Работал в разных неблагоприятных условиях и разных неприспособленных для долгой счастливой жизни местах.

Дэн никогда не забывал поддерживать себя в хорошей физической форме. Каким-то образом он выкраивал в напря-

жённом рабочем графике время для занятий спортом. В основном он любил единоборства, лучшим из них считая контактное карате стиля Кёкусинкай, но не брезговал и качалкой. На тренировках он шлифовал не технику или силу, а в большей степени увеличивал свою выносливость и умение преодолевать боль. Каратэ для этой цели подходило лучше всего. Он учился не побеждать – его учили никогда не сдаваться.

В своих скитаниях по свету Дэн часто видел чужое горе и много раз переживал своё. Поэтому он знал жизнь с разных, в том числе и самых неприглядных сторон. Духовно он был вполне готов к смерти. Недавние сомнения о правильности собственных поступков отошли на второй план. Дэн на собственном опыте подтверждал всё то, в чём его убеждали на родине и, будучи человеком социально вовлечённым, гуманистом, принимающим близко к сердцу любую несправедливость, принял решение идти до конца. Можно было начать хитрить, давать ложные наводки, сдавать мнимых заговорщиков, тем самым выторговывая себе лишние часы жизни и параллельно мучаться ожиданием неизбежного. А можно решиться – сыграть в открытую и закончить всё быстро. – "Перед смертью не надышишься", – так говорили у него в школе, и Дэн привык решать проблемы сразу, не откладывая их в долгий ящик. Принимать решения быстро и не менять их. Единственный девиз его рано умершего отца, который он чётко усвоил, гласил: "Не будь проституткой!" – Дэну этот

девиз очень помогал и в трудные моменты, он всегда мысленно его повторял. Вот и сейчас Дэн, прежде чем ответить «нет» этому худому упырю, про себя сказал: "Не будь проституткой, Дэн, не будь!" И всё же оставался маленький вопрос, на который предстояло получить ответ. Если с его духом всё хорошо, то к какому уровню боли готово его тело?

— Что ж, — как будто с сожалением произнёс худой босс, — считаю дальнейшие споры излишними. Через несколько минут вы увидите наше чудо современных технологий. Производство искусства в своём роде. Давайте, ребята, покажите мистеру Гордону нашу шкатулку.

Последними словами босс обратился к гвардейцам, стоявшим позади Дэна. Те, схватив его за плечи, одним движением, словно пушинку, поставили на ноги. Голова сразу закружилась и накатила легкая тошнота. Всё-таки Дэна здорово приложили там, на стоянке.

Когда его уводили, Дэн повернул голову и увидел, как второй, всё время пока длился разговор молчавший босс, провожал Дэна, как ему показалось, грустным и главное — до подкожного зуда знакомым ему взглядом.

Его вели довольно широкими для обычной подлодки коридорами. Он понял, что подлодка была атомной, хотя официально Главазия не обладала ядерным оружием. Вот это уже настоящий сюрприз! Имея такие технологии Дракач, мог натворить бог знает чего. Он становился опасен не только для своего народа, но и для всего мира. Раз ему до сих пор

удавалось ото всех скрывать такое оружие, значит диктатор лелеял далеко идущие за границы Главазии планы. А какие цели, кроме абсолютной власти, может вынашивать подобный тип? Ничего себе задачка для шпиона-любителя. Диктатор с амбициями императора всего земного шара.

"Меня переоценили. Здесь должна была работать целая армия профессионалов", – думал Гордон, слушая звуки раздававшихся по всей подлодке собственных шагов и шагов его спутников, подталкиваемый в спину грубыми гвардейцами. На своём пути они никого не встретили. Экипаж, не занятый на боевом дежурстве, заранее предупреждённый о их проходе, временно попрятался по каютам. Им давали зелёный свет на свободный проход вплоть до специального отсека.

Дэн и его конвоиры прошли всю лодку до конца. В самом хвосте их маленькая группка остановилась перед круглой, по виду сейфовой дверью. Один из гвардейцев набрал на сенсорном экране код, и стальная крышка отъехала в сторону. Всё-таки место в подводном корабле не хватало, и для того, чтобы войти внутрь отсека, Дэну пришлось сильно нагнуться. Внутри их встречала пустота, если не считать горизонтально стоящего на решётке пола, окрашенного в белый цвет железного ящика, очень походившего на домашний холодильник.

Рифлёные панели из алюминия закрывали стены, кое-где торчали патрубки от каких-то демонтированных агрегатов.

Лампы испускали белый режущий глаза свет через сетки специальных рассекателей. Дэна подвели к ящику, ударили под колени, и он упал. Пока один гвардеец удерживал его за шею, другой открывал ящик. Изнутри ящик был выложен серебряной, мягкой тканью. Из стенок ящика торчали симметрично расположенные костыли, имеющие на концах плоские утолщения, как на ручках столовых ложек и вилок. Потом ему сделали укол под лопатку. Дэн отключился.

Пришёл в себя Дэн уже в ящике. Он будто парил в воздухе, его полностью обнажённое тело лежало на лапах костылей, не касаясь дна. Дэна зафиксировали, он не мог пошевелиться, максимально вытянуть конечности. Руки тянулись параллельно друг другу, делая из Дэна, сдающегося на милость победителя раненного солдата. А ступни его ног застыли таким образом, словно он и лёжа хотел зачем-то встать на мыски и дотянуться до чего-то запретного. Его рот и глаза оставались открытыми и, несмотря на все старания, он не мог их закрыть. Правда, кроме тьмы Дэн ничего не видел. Словно подтверждая ненужность в таком месте зрения ему в уже страдающие от недостатка влаги глаза стала капать некая жидкость. Сначала в первую секунду он почувствовал облегчение – наконец роговица глаз увлажнилась. Но сразу за этим пришла боль. Страшная, разъедающая сразу оба глазных яблока жаркая резь. Его глаза будто резало множество раскалённых лезвий и кололо тысячами острых иголок. Сработала биологическая защита, слёзные железы активно

истекали спасительной влагой. Но от слёз стало только хуже. Дэн был уверен, что потерял зрение. Ему просто выжгло глаза и текущие по щекам слёзы он воспринимал как кровь. А невидимая пипетка всё продолжала капать и капать в его глаза раскалённый расплав. Через миллион лет резервуары опустели, и пытка прекратилась. Глаза горели и ныли, всё никак не соглашаясь прекратить болеть.

Кричать Дэн не мог: горло, связки, язык – всё находилось под принудительной заморозкой. По неясной причине его палачам не хотелось слушать жалобы Дэна. Хотя как они могли его слышать, находясь за сотней стальных переборок?

В локтевой сгиб воткнулась игла и механическая рука сделала укол. Вскоре тело Дэна изнутри начал распирать нестерпимый зуд. Чесалось всё – каждая артерия, сосуд, каждый пучок мышц, внутренние органы, кости. Вскоре зуд перешёл в жар и стало казаться, что он горит, пылает внутренним, всепожирающим огнём. Сначала его лишили зрения, а теперь решили сжечь? Но вот огонь, бурлящий в жилах, успокоившись, потух. Теперь в колени, локти и плечи впились острия невидимых шприцов, проколов мешочки с синовиальной жидкостью, окружающие суставы. Через секунду в местах инъекций выросли колонии острейших заноз химических кристаллов. Боль подагры, артрита или бурсита, даже увеличенная стократно ничто по сравнению с теми ощущениями, которые всего лишь за жалкую минуту страданий испытал Дэн. Разламывающая, тягучая, противно ноющая,

дергающая мука. То стихая, то нарастая вновь, она всё же шла на спад. Кристаллы растворились полностью, а вместе с ними отступила на второй план боль.

Наверное, чтобы взбодрить теряющего сознания пациента, ему под кожу сразу в нескольких местах вошли гибкие струны. Замерли и потом из них вышли десятки шипов. Струны заёрзали и медленно вышли наружу. Без всякого перехода ему в рот влез пластмассовый раструб, через который начала поступать сильносолёная вода. В желудок за тридцать секунд закачали литра три этой гадости. Хотелось вытошнить, но он не мог. Каким-то образом, вместе со способностью двигаться и орать, рвотный рефлекс ему отключили тоже.

По внутренней стороне ляжки пополз тонкий хоботок. Он нашёл висящей ненужной сарделькой половой член и, забыв про деликатность, грубо втиснулся в мочеиспускательный канал. Его тонкий диаметр не помешал ему доставить массу неприятных ощущений Дэну. Но это стало всего лишь началом. Хоботок пополз дальше, разрывая тончайшие протоки, он устремился к уже переполненному мочевому пузырю. Войдя в него, из хоботка в пузырь прыснул раствор, содержащий мельчайшую стеклянную пыль – немного всего четверть чайной ложки, – но и этого хватило с лихвой. Больше не в силах терпеть, подстрекаемый извне электромагнитным кнутом излучения, Дэн стал мочиться. Он бы и рад был прекратить этот простейший акт человеческого естества, да не мог.

Крупинки стекла, насытившие мочу, прорывались к выходу, доставляя Дэну ощущения близкие к мукам всех святых, которых, как описывалось в библии, варили и жарили заживо. Наждак стекла карябал нежные протоки, взрывал их изнутри, разжигал кровотоком боль, очищал душу страданием. Потом разом всё прекратилось: глаза перестало жечь, член перестало саднить. Его муки тела обезболили внутривенной инъекцией волшебного лекарства, заодно подарившего ему забвение искусственного сна. Что дальше делали с ним, Дэн не помнил и по понятным причинам не чувствовал, но когда он пришёл в себя, то хотя низ живота и болел, но болел весьма умеренно, а глаза хоть и опухли, но видели, а это не могло не радовать. Очевидно, из него пока не захотели делать инвалида.

Те же два гвардейца, которые засунули его в контейнер, окатили Дэна водой, подняли с пола, помогли одеться, заковали руки в наручники и повели назад к боссам. Покуда Дэн шёл, его мозг просветлел, перенесённая им и на время закончившаяся пытка дала ему новое острое ощущение желания жить. Таким живым он не чувствовал себя ещё никогда. За все сорок лет, что жил на белом свете, Дэн не знал и не испытывал подобного удовольствия. Именно поэтому он разыгрывал перед конвойными спектакль, изображал из себя пьяного от пережитого кошмара, сломленного болью, шатающегося на дрожащих ногах неудачника.

Его ввели в допросную каюту. Перешагнув порог, Дэн по-

нял – другого такого шанса отомстить, хотя бы в маленькой толике рассчитаться за свои муки, ему больше не представится. Пригнувшись, спружинив коленями, он бросился к столу, за которым по-прежнему восседали боссы. Руки он от наручников освободить не сумел, и по этой причине решил действовать проверенным способом предков всех людей. Дэн хотел одного – кусать и грызть. Проехав на животе по полированной поверхности стола, он врезался в широкоплечего босса и впился в его застывшую рожу зубами. Как пёс он сжал челюсти и стал мотать головой из стороны в сторону. Успел он сделать всего три рывка зубами и его, избивая дубинками, охранники оттащили назад. Ему успели всего-то три-четыре раза врезать по рёбрам, как прозвучал властный голос:

– Хватит!

Дэна усадили на стул. Он поднял глаза и сквозь туман, всё никак не прекращающих слезиться глаз, рассмотрел, что лицо атакованного им босса сползло на бок и там, где должны были оказаться его глаза видно белые пятна. Одновременно во рту он ощутил резиновый привкус. Босс поднял правую ладонь к голове, схватил себя за растрепавшиеся волосы и стянул с себя искусно сделанную латексную маску. Под ней прятался знакомый Дэна, отличный дядька и просто добряк, заместитель министра обороны – Коско Славутич. Вот почему ему казался знакомым этот умный, чуточку грустный взгляд. Коско показал седые виски и густую шевелюру зачѐ-

санных назад совсем не по-военному волос. Нос нависал ко-
ромыслом над верхней более длинной губой. Щёки полные,
подбородок квадратный, выгнутый вперёд. Сейчас рот Коско
изображал подобие грустной улыбки. Он посмотрел прямо в
глаза Дэну и сказал:

– Мне очень жаль, что вам пришлось пройти через всё это.

– Да пошел ты на хрен! – гневно выкрикнул Дэн. Он по-
пытался встать, но ему не дали этого сделать.

– Восхищаюсь вашей стойкостью, Дэн. И с прискорбием
вынужден вам сообщить: всё напрасно, вас обманули. Всё
совсем не так, как вы думаете.

– Нажрись дерьма и сдохни!

– Понимаю ваше негодование. Поймите и вы нас: мы были
вынуждены вас подвергнуть пытке, для того чтобы вы смог-
ли по-другому посмотреть на сложившуюся ситуацию. Те-
перь наши аргументы вы будете воспринимать под несколь-
ко иным углом.

– Я вам ничего не расскажу, можете не стараться.

– Не расскажите? Вы уверены???.. Ну и не надо.

– Не расскажет, как же. Если будет нужно, всё выложит, –
включился в беседу первый босс.

Коско Славутич с укоризной во взгляде посмотрел на ху-
дого коллегу, но прерывать не стал, а тот, между тем, про-
должал:

– А что? Пускай знает всё. Он сам первый захотел быть
честным. Так вот, то место, в котором вы мучались, есть ше-

девр нашей инженерной мысли. Оно носит неофициальное название – "Шкатулка криков". Поверьте, есть за что её так называть. – Худой достал из кармана рубашки предмет, отдалённо похожий на мобильный телефон и продолжил: – Вот здесь я храню все записи криков попавших в шкатулку наших врагов. Плохих людей, действительно плохих. Это правда, – с великим убеждением сказал босс, чем поразил и даже испугал Дэна, который подумал, что перед ним сидит самый настоящий сумасшедший. – Так вот, чтобы у вас не осталось иллюзий, я дам прослушать запись этих криков, всех сразу, звучащих одновременно.

После этого босс поводил пальцем по сенсорному экрану, включив запись. Чуть погодя раздались крики, нет, не крики, а раздрающие барабанные перепонки своей правдивостью вопли – беспрестанно нарастающие, или нестерпимо долго звучащие на одной самой высокой ноте, захлебывающиеся, булькающие, сумасшедшие, разные, вой одиночки и звучащие все разом. Дэн, услышав какого запределья может достичь боль и что, вероятно, в скором времени его ожидает, побледнел в сметану. Увидев, какую реакцию на него оказали крики, худой палач милостиво выключил запись, почмокал губами и продолжил:

– Ещё никто не выдерживал пыток в шкатулке криков, находясь в ней без перерыва в течение суток. Рекорд – семь часов семь минут. Но для особо упрямых клиентов можно сделать исключение. Пытка в течение всего трёх часов в день.

Так можно протянуть недели две, если, конечно, раньше не свихнуться. А это запросто. Двадцать процентов сходят с ума меньше чем за четыре дня. Советую вам быть поговорчивее. Я расскажу, в качестве предупреждения, какая, не считая ещё трёх десятков перед ней, последняя процедура ждёт наших особо упрямых гостей. Как апофеоз экзекуции – электронная многоножка. Она прикрепляется к позвоночному столбу и выпускает в спинной мозг усики тончайших рецепторов. Таким образом она транслирует через них болевые импульсы. Всё сразу – от зубной боли до сердечных припадков. Длительность такой процедуры не может превышать десяти секунд, иначе клиент, ничего не успев рассказать, откинется... Ну и как вам такой расклад, мистер Гордон?

– Вот тебя бы самого туда засунуть. Козел!

– А я был там, – к удивлению Дэна, ответил за худого босса широкоплечий Коско. – И не судите так строго моего коллегу, он у нас большой энтузиаст этого дела, но только в теории. Он по природе не злой совсем. Гений тайной пропаганды, глава службы информационной безопасности. Лицо не публичное, его имя вам знать не обязательно, он у нас засекреченный.

Вернёмся к моему незабываемому опыту общения с чудом истязания людей, поставленного на научные рельсы. Мне в нём удалось выдержать целых два часа, – с гордостью признался Коско. – Добавлю, шкатулка с такой же эффективностью, как уродовать, может и лечить. Отлично лечить

– почти любые повреждения, любые травмы. На вашем теле не останется шрамов, уверяю вас. Только память вашего сердца не даст забыть вам перенесённое страдание. Всех, кто прошёл боль, ждёт обновление – глубокий катарсис! Правда, понимание приходит несколько позже.

Теперь к делу. Мы вам рассказывали про пытки не для того, чтобы вас напугать или сломить. Просто хотели показать, что мы далеко не ангелы и сейчас вместо дальнейших пыток откроем перед вами все наши козыри. Мне самому всё это претит, я постоянно чувствую вину, наверное, поэтому добровольно в неё и залез. Ладно, хватит лирики. Вам врили, Дэн. Те, кто вербовал вас, преследовали совершенно иные цели, чем те о которых вам рассказали. Начнём с того, что наш президент – никакой не монстр, а спаситель нации. Такие люди, как он, рождаются раз в тысячелетие. Вам наверняка рассказывали об ужасах режима, репрессиях и прочем. Так вот: за двадцать лет его правления, по так называемым политическим мотивам, было расстреляно всего двести человек. Если учитывать всё население Главазии, а это, как никак, пятьдесят миллионов человек, – ничтожно малая цифра. Вы не находите? Да и то расстрелянные в подавляющем большинстве были руководителями террористических организаций, члены которых убивали полицейских, чиновников, не гнушались и убийствами врачей с учителями. Непримируемые бандиты, питавшиеся кровью народа...

Со шкатулкой всё проще гораздо, чем вы себе возомнили.

В ней побывало, если считать и вас, всего девяносто девять человек – иностранные шпионы, местные мафиози и прочая шушера. Зачем нужно их было засовывать в этот ад? – спросите вы. Отвечу: таким образом мы за считанные месяцы избавились от весьма разветвлённой разведывательной сети чужих государств, победили преступность и коррупцию. Кстати, именно поэтому вы здесь: разведка вашей страны в условиях жёсткого дефицита шпионских кадров вынуждена прибегать к помощи таких, как вы, непрофессионалов. Люди, побывавшие в шкатулке, выкладывали всё, что знали, сдавали в одночасье все их связи и контакты.

На сегодняшний день в нашей стране осталась всего одна группа заговорщиков, самая законспирированная, а поэтому самая опасная. Им безразлична судьба народа, все они куплены с потрохами вашей страной, Дэн. В случае если их путч удастся, они распродадут наше государство по кускам вашим корпорациям, закроют все социальные проекты, превратят в курорт для богатых извращенцев. Пропаганда большинства западных стран трубит о том как мы плохо живём. Но если сравнить с тем периодом, когда у нас хозяйничали иностранцы, то мы увидим, что доходы населения выросли втрое, а покупательская способность вдвое. Кроме того, женщины у нас получают за ту же работу, что выполняют мужчины, одинаковую с ними плату. Ваше самое демократическое государство в мире до сих пор не может этим похвастаться. Не так ли? На сегодня мы являемся третьей страной в мире по

количеству изобретений и научных открытий, совершаемых за год!

– Вижу, – хмуро буркнул Дэн.

– Вы про атомную подлодку, оружие? Поверьте, это всё пустяки. За короткий срок нам самостоятельно удалось совершить настоящий прорыв. И всё благодаря правильно-му и независимому управлению. Наймиты запада хотят это всё разрушить. Наше государство контролирует канал между двумя океанами, а поэтому стратегически важна для них держать нас под контролем. Ваши хозяева хотят отобрать у нас права контроля за перевозками, и вовсе не хотят помогать, якобы угнетённому народу. Им нужно наше побережье. Всё передаваемые вам материалы для настоящего вашего фильма сфабрикованы. Мы нашли их в тайнике у вас на ноутбуке. Для такого уровня дезинформации западные агенты влияния должны входить в самые верхние правящие круги страны. Так?

Коско был прав. Действительно, из тех пяти человек, с которыми общался Дэн, трое состояли на государственной службе и занимали высокие места в аппарате управления государством. Гордон отметил про себя это обстоятельство. Умный врага – вдвойне опасный враг. Его пробила внутренняя дрожь тоскливого предчувствия.

– Отвечать не трудитесь, – после небольшой паузы, в течение которой он наблюдал за реакцией пленника, произнёс Коско, – это понятно и ребёнку. Они вам ввали, цифры в их

документах искажены.

– Я вам не верю, – твёрдым голосом, но на самом деле сомневаясь, сказал Дэн.

– А людям, которых в первый раз в жизни вы видели, поверили? Вы же их совсем не знаете. Или, может быть, вы полностью доверяете людям, пославшим вас сюда? Впрочем, не важно. Всё это сантименты.

– Из сантиментов и состоит жизнь, а вы пытаете людей.

– Да, пытаем. Хочу уточнить: не просто людей, пририсовавших рожки газетной фотографии президента, а настоящих матёрых врагов, заботящихся лишь о своей шкуре, любящих только себя и деньги. Тех, кто уготовил народу рабское будущее – существовать во второстепенной державе рабов общества потребления, буквально во всём зависимой от иностранного капитала и чужой политической воли. Безмозглым быдлом легко управлять, а мы сделали ставку на повышение уровня интеллекта нации, и это мешает вашей стране реализации её целей по контролируемому управлению миром. Речь идёт о мягкой диктатуре над стадом озабоченном только своей личной выгодой. Кому же, как не вам, этого не понимать?

– Начав издеваться над кем бы то ни было, трудно остановиться. Или у вас не бывает ошибок? Вкус крови не будоражит ваше сознание, господа вурдалаки?

– Бывают. Будоражит. Если вам будет от этого легче – вы последний клиент Шкатулки криков, президент вчера под-

писал указ о закрытии проекта. Лично я считаю этот шаг преждевременным. Что же касается наших ошибок, то, когда мы понимаем, что человек попал сюда по ошибке, мы стираем ему память о муках, которые он перенёс и отпускаем. Правда, таких случаев могу припомнить всего два. Поэтому я считаю шкатулку бесценным инструментом защиты интересов нации, функционирующей практически без ошибок.

– Я согласен, что шкатулка и в будущем могла бы значительно облегчить нам жизнь, но президент Серджо Дракач больше не может терпеть её античеловеческую сущность, а его авторитет непререкаем, – поддержал своего коллегу худощавый босс.

Дэн усмехнулся и подумал: "Ещё бы непререкаем, позволили бы себе настаивать на чём-то своём и быстренько оказались бы на моём месте".

– Понимаю, о чём вы думаете. Повторяю, у нас нет диктатуры одного человека, – тут же отреагировал на саркастичное движение бледных губ Дэна Коско. – Мы можем иметь своё мнение и открыто его высказывать, спорить с президентом, но, если он принял решение, обязаны исполнять. В большей степени решения принимаются коллегиально, совместно со всеми членами правительства.

Напомню вам, если вы запомнили, у нас каждые пять лет проводятся всеобщие выборы главы государства. Девяносто процентов людей голосует за Дракача. Выборы честные, что бы там не трубили за границей, просто у него нет

достойных соперников. А те, кто называет себя законными кандидатами на первое место в государстве, и при этом, живёт в странах запада, почему-то на все наши приглашения приехать на родину и должным образом зарегистрироваться в избиркоме отвечали демагогическими рассуждениями о кровавом режиме, предопределённости сфабрикованных результатов, естественно, никуда не ехали. Они, впрочем, как и их хозяева, отлично понимают, что законным путём свергнуть режим нельзя. Убийство Дракача и последующий за этим вооружённый путч – единственный метод дестабилизации положения внутри страны. А потом они организуют интервенцию извне. Сценарий известен и опробован много раз.

Ваш арест, я уверен, тоже входит в их планы. Если вас арестовывают, то за рубежом поднимается шум, пропаганда трубит о новом зверстве людоеда Дракача и на этой волне происходит переворот, а главное – есть повод ввести войска в Главазию. Если же вы, целый и невредимый, улетаете к себе домой, то ваш «правдивый» фильм об ужасах режима, плачевном экономическом положении, бедствиях крестьян, становится катализатором общественного негодования всего мирового сообщества и де-факто оправдывает любые крутые меры, направленные против нашей страны. Вы для них просто разменная пешка, а не талантливый художник. Ваше известность в мире играет против вас. Им, конечно, выгоднее, чтобы мы вас задержали, а ещё лучше, если найдут ваш

изуродованный труп. Поэтому так нужно, поймите, в первую очередь не нам, а народу, во имя справедливости, обнаружить заговорщиков и вовремя их обезвредить.

– Зря стараетесь, я вам всё равно ничего не скажу. Можете меня сажать обратно в вашу шкатулку-мясорубку. Многоножки, черти с рожками – мне всё по хрену, – совсем запутавшись, устало, тихо, почти шёпотом проговорил Дэн Гордон. – Пользуйтесь вашим шансом, отрывайтесь на узнике. Ведь я же ваш последний клиент.

– Ваша реакция понятна. Трудно поверить в то, что всю сознательную жизнь из вас делали клоуна, по-нашему – Петрушку. Отучиться плясать под чужую дудку тяжело, при попытке стать свободным сразу незамедлительно начинаются ломки. Пытать мы вас дальше не станем. Зачем?

Дэн не поверил своим ушам. С него будто скатили камень размером с погребальный курган. Он только сейчас понял, насколько он был напряжён, как ему хотелось жить и не хватало воздуха. Потом он испугался пуще прежнего. А вдруг это очередная уловка? Его пробил холодный пот.

– Да, более того, мы вас освободим и собранные вами и нашими врагами материалы не будем конфисковать, – продолжил заместитель министра. – Остальное дело вашей совести. Вы свободны.

В тот же момент Дэна схватили за плечи и сделали укол в шею.

Следующим, что он увидел после сползающих в размытое

небытие сидящих рядышком друг с другом боссов, стало море. Закат, фиолетовые разводы облаков, по окантовке святающиеся жёлтыми плодами каплевидных пятен, подсвеченных розовыми лучами, ныряющего в фиолетовый расплав зеркала океана оранжевого солнца.

Дэн сидел, привалившись спиной об камень волнореза и дышал. Главное – дышал. Каким сладким после стерильной, многократно отфильтрованной атмосферы подлодки оказался ему солёный воздух вечернего моря! Аромат освобождения, подарок судьбы. Он остался живым и ничуть не изуродованным. Может, ему весь предыдущий террор приснился? Нет, его действительно пытали. Память о перенесённых им мукам никуда не делась.

Обманывать себя – самое идиотское занятие на свете. Но помечтать об частичной амнезии несколько минут, сидя на берегу самого прекрасного на свете моря, Дэн себе позволил. Дэн с трудом поднялся на ноги. Голова немного кружилась, но в остальном он чувствовал себя огурцом. Таких чудесных ощущений он не помнил с детства. Секрет прост – для того, чтобы почувствовать себя на сто процентов живым, надо побывать в Шкатулке криков и вернуться обратно, и желательно не в виде окровавленной культияпки, способной лишь мычать, да глаза закатывать, и забывшей как её зовут.

Чем страшнее пытка, тем сильнее меняется твоя личность. Дэн переродился, прозрел. Через линзу мук всё происходящее вокруг стало выглядеть по-другому. Наружу вы-

лезли все, до этого скрытые детали. Неприглядное выглядело отвратительным, прекрасное – понятным.

Дэн поднялся на набережную и медленно двинулся по ней по направлению призывно гудящего вдалеке города. Счастье – понятие относительное, но сегодня Дэн был по-настоящему счастлив. Свой выбор он уже сделал.

Прокаченное естество

-Посмотри на мои мускулы детка. Нравятся?

На двуспальной кровати сидел загорелый молодой бодибилдер в одних голубых плавках и, развернувшись боком, обращался к лежащей рядом с ним обнажённой симпатичной девушке. Он специально напрягал рельефное полушарие бицепса, покрытое сетью брутально вздувшихся вен, на правой руке, чтобы вызвать её восхищение его идеальным телом.

– Генрих, прекрати. Не превращайся в нарцисса, любимый, – мягко улыбнувшись, произнесла девушка, подтянувшись к нему ближе и поцеловала его в спину. – Ты у меня и так красавчик, об этом все знают.

Генрих действительно выглядел как модель с обложки журнала "Мужское здоровье". Натуральный пшеничный блондин, сероглазый, нос прямой, на конце расширяющийся до круглого утолщения, подбородок квадратный, волевой, с трогательной ямочкой посередине. Рот широкий, привыкший улыбаться. Губы тёмные, словно зацелованные, скрывали за собой оскал белых ровных квадратиков зубов. Причёска модная, волосы на пробор – чёлка зачесана назад, виски, бока головы и затылок выбриты. И фигура! Божественное тело, сексуальное. Не капли жира, квадратики пресса. Мышцы и в спокойном, не напряжённом положении, выгля-

дели великолепно, прорисовывались самые мелкие их пучки. Мечта всех женщин – начиная от шестнадцати и заканчивая сорока пятью.

Его благоверная – красивая девушка, не старше двадцати лет, – на его фоне несколько терялась. Волосы пышные, коротко подстриженные, крашенные в мягкий рыжий цвет. Носик маленький, доверчиво нежный. Глаза игривые. Руки и пальцы музыкальные. Но, в общем, ничего особенного. Спасали её от полного забвения длинные, с блестящей гладкой кожей, ноги, груди в виде ракет третьего размера тоже спасали, и обаяние. Стоило с ней провести всего несколько минут и её умение вести лёгкий, на любые отвлечённые темы, разговор в купе с обширным набором приятных, озарённых внутренней энергией благожелательности выражений её немного детского лица, и вас ласкало, обволакивало, расслабляло. При общении с ней своеобразное тепло растекалось по всему организму. Звали её Вероника.

– Ха! Вероника, радость моя, поцелуй меня чуток пониже.

Девушка хлопнула его в притворном негодовании по плечу и попыталась откатиться назад. Генрих не позволил ей этого сделать, перехватил в самом начале движения и сам взял на себя поцелуйную инициативу. Он перецеловал все части её тела и когда дошёл до ступней, она, поджав нижнюю губу и засмеявшись, произнесла:

– Ну что ты! Зацеловал меня всю. Не забывай – тебе скоро уезжать.

Генрих, заметно расстроившись, прекратил едва начатую прелюдию.

– Да, ты права, самолёт через пять часов. Пора собираться.

Вероника снова придвинулась к нему, крепко обняла за шею и сказала:

– Ты ещё со мной, а я уже скучаю. Возвращайся скорее.

– Всего неделя. Ты и оглянуться не успеешь, а я уже тут как тут.

– Жаль, что я не могу поехать с тобой, мой дорогой. Так хотелось отдохнуть вместе.

– Не расстраивайся. Кто же знал, что у тебя дедушка заболел. Ничего не поделаешь, придётся за ним ухаживать. Дед у тебя геройский. Ветеран, он заслужил хорошее отношение внушки.

– Да я и не спорю, Генрих. Просто сердце ноет. Как бы ты там со своими друзьями ни учудил чего-нибудь. Таиланд – страна, привлекающая к себе туристов разными пороками.

– Ну что ты. Я тебя одну люблю. И мне никто другой не нужен.

Спустя пятнадцать минут объятий и взаимных изъяснений в любви на веки, Генрих собрался и с вместительной спортивной сумкой с надписью "Reebok" на боку отбыл в тёплые края-дальние страны.

В аэропорту его ждали два закадычных друга – Петя и Юра. Они все втроем учились в одном институте, числи-

лись студентами последнего курса и готовились к написанию диплома. Друзья не бедствовали, их семьи принадлежали к жирной прослойке среднего класса, поэтому деньги у них водились. К приезду Генриха друзья успели порядочно нагрузиться. В отличие от него они до такой самоистязающей, самовлюблённой степени спортом не увлекались, но и лишним весом тоже не страдали. Подтянутые парни, по случаю типично июльской жаркой погоды одетые в шорты, футболки, кроссовки. Самый из них высокий – Петр – носил футболку без рукавов, зеркальные очки в стиле сицилийских мафиози, имел длинный нос уточкой и постоянно ухмылялся. Юра, всегда довольный собой, никогда не унывающий тип, обритый наголо, первым заметил бронзовое тело их друга, легкодвигающееся в толпе к ним. Он поднял две руки кверху, сцепил между собой и закричал:

– Камон, бой! Генрих, привет!

Подойдя к ним, Генрих поздоровался, положил сумку на свободное пластмассовое кресло и, отвечая на громкое приветствие Юры, степенно произнёс:

– Успели уже, и меня не подождали. Обещали же. Куда катиться мир, ни на кого нельзя положиться. Кругом одно жульё.

Ухмыльнувшись, растянув мокрые губы сильнее обычного, Пётр парировал выпад друга:

– Так уж и жульё. Так уж и кругом. Мы про своих не забываем. На, держи, – с этими словами он вытянул из своей

сумки пластиковую бутылку с коричневой жидкостью и отдал её Генриху.

Генрих подозрительно посмотрел на неё, отвинтил колпачок, принялся:

– Что здесь?

– Пей, поди не отравим.

– Что здесь, я спрашиваю?

– Занудный у нас друг, Юра, – сказал Петя. – Виски с колой там, пей смело.

Генрих сделал три больших глотка, хотел сделать четвёртый, но чуть не поперхнулся, услышав слова Петра:

– Почему кола выглядит как жидкое дерьмо? Вы не замечали? Канализационные воды одного с ней цвета.

– А ты что, сантехник или просто любитель на какашки посмотреть? – поддержал разговор Юра.

Генрих отдал бутылку назад, ему расхотелось пить этот популярный коктейль такого знакомого коричневого цвета.

– Пошли на регистрацию, в дьюти фри купим чего-нибудь приличного, – заканчивая намечающийся спор на не очень аппетитную для него тему, предложил Генрих.

В магазине беспошлинной торговли они купили большую бутылку текилы и в ожидании посадки уговорили её полностью, до последней капли, в качестве закуски имея лишь покупные кусочки непонятного вяленного мяса. В салон самолёта они вошли в том состоянии, когда реальность начинает крутиться перед глазами, но пока не тошнит. По всеобщему

согласию они решили сделать перерыв в обширных возлияниях. Летели на Боинге. Перелёт предстоял долгий, около половины суток, и первые три-четыре часа друзья пили минеральную воду и сок. Генрих же вообще сразу после взлёта заснул и пропустил первую кормёжку, а ведь он имел бзик на питании. Ел он пять раз в день, но, во всяком случае, в будние дни придерживался здорового питания. На отдыхе он позволял себе разговеться, компенсировал себе вынужденные месяцы спортивного поста. Кушал плотно, с аппетитом. Потом согнать лишний, накопленный перееданием жаренным и сладким жир для него не составляло труда. Генриха выручала хорошая генетика и привычка к регулярным занятиям железом.

Отдохнув, приятели продолжили пить. Начали с пива, потом купили несколько порций шампанского и понеслось. Молодая печень, запущенная на полную катушку предыдущими порциями этилового спирта, работала в ускоренном режиме, отлично нейтрализуя яд алкоголя, выращивая в организме нарастающее состояние дымного опьянения. Ребята вели себя вполне прилично, единственное что они себе позволяли, так это лёгкий флирт со стюардессами. Между собой они общались на сленге, так что другие пассажиры их понимали с трудом. Шутили и балагурили, и опять – пили. В Таиланд они прибыли совершенно одуревшими от выпитого – глаза навывкате, головы шумят, лица красные, как пестицидные помидоры.

Юра, покидая самолёт последним из друзей, по-шутовски раскланялся со всеми стюардессами и, попрощавшись, пообещал:

– До свидания, прекрасные феи. Мы встретимся снова, я точно знаю, не сомневайтесь.

– Давай-давай иди, – схватил за руку своего друга Генрих, – пошли, нас ждут косоглазые развлечения.

Гостиница, как и полагается, стояла недалеко от моря, всего в ста метрах от золотистой кромки воды. Её одноэтажные корпуса раскинулись между пальмами, зарослями акаций, подобно отдыхающему, пришедшему на пляж хорошо загореть и просто поваляться в объятиях жаркой лени. При виде этих зданий приходило на ум странное название – "Бунгало". Бордовая черепица, коричневые, будто сплетённые из толстых прутьев стены. Их поселили в номер, окнами, выходящими на море. Между волосатой чешуёй стволов пальм просвечивала мягкая синева спокойной воды, играющая с солнцем в игру под названием – лето.

Разложив, распахав вещи по углам, парням захотелось продолжения банкета. Пётр, бывавший в этой стране прежде, предложил всем взбодриться. Они, освящённой вином троицей отправились в магазин. Там, в прохладном торговом зале Пётр подвёл всех к неприметному холодильнику, зажатому пивными сородичами в самый угол. Ростом холодильник карлик достигал им всего лишь до пупков. За его стеклянной дверцей прятались ряды маленьких, пузатых, да-

же не бутылочек, а скорее пузырьков с белыми этикетками под горлышко, раскрашенными синими и зелёными всплесками с россыпями каких-то розовых зёрнышек.

– Что це за дрянь? – первым спросил Генрих.

– Оооо. Это не наша дрянь, это их рецепт, а может и не их, а чей-то, – загадочно проговорил Петя. – В любом случае вы такого никогда не пробывали.

– Хе, хе. Это коктейль?

– Фарма коктейль. Номинально – это их энергетик. Они в него добавляют местные хитрые травки, и он не просто бодрит, он выкручивает вам пробки. Три порции на рыло и гарантирую все предохранители перегорят.

– Да ну на. Будем в канаве валяться и пузыри из жопы пускать? Мне оно не надо, – засомневался осторожный Генрих.

– Млять. Объяснил неправильно. Ты наоборот приобретёшь особую остроту восприятия происходящих вокруг событий. Как будто черно-белый фильм вдруг становится цветным. А вместе с алкоголем он ещё лучше действует. Получаются качели. – Заметив как сморщился при слове «качели» Герман, добавил: – Приятные качели, не ссы.

– Я готов! – согласился на эксперимент Юра, который всегда был готов, пускай и ко всякой адской чепухе, и выгреб из холодильника сразу с десятков пузырьков. – Пошли, – сказал и направился к кассе.

На этом дискуссия закончилась. Выйдя из мини-маркета, друзья устроились под несколькими деревьями, растущими

из одного места в серой земле, как пучок придорожной травы, с гладкими стволами, с тонкой серой плёнкой коры и широкими листьями, дающими хорошую тень. Там, в тени, они и употребили тайский энергетик. Что туда клали при его приготовлении они не знали, но эффект, наступивший через пятнадцать минут, не просто впечатлял, он граничил с действием запрещённых законом стимуляторов. В одно и то же время они оказались расторможены алкоголем и взбодрены напитком. Их речевые центры освободились от сдерживающих оков сознательного анализа произносимых ими слов. Всё тайное стало явным. Все те сокровенные мысли, раньше скрытые в подполье подсознания, складно вплетались в общий разговор, укрепляя дружеское взаимопонимание и доверие. Никто никого не осуждал и не смеялся, даже если суждения товарища выглядели нелепыми. А ещё, по крайней мере у Генриха, изменилось восприятие звуков – теперь он их видел в цветах. И особенно изменилось впечатление от музыки: для Генриха она превратилась в радужный водопад, заливающий, но не топящий его, позволяющий во всей полноте наслаждаться мелодиями и ритмами. Им было весело! Никогда прежде они не испытывали такую всеобъемлющую радость от жизни.

Петр предложил, а остальные согласились – посетить город, а там пойти в неприличный район – поглазеть на местный колорит. Пока они ехали туда на такси, они пили коктейли и безостановочно говорили. Наступил вечер. Городские

кварталы сияли неонами, а там, куда они приехали, преобладал над всеми другими красный цвет.

Генрих слабо разбирался, где они оказались — в какой конкретно клоаке продажной любви очутились. От выпитого или от экзотического энергетика иногда его настигали провалы в памяти, и он не мог бы сказать, что делал пять минут назад и вообще, чем он занимается сейчас. Вот они выходят из такси в галдящую толпу развлекающихся туристов, а вот он уже сидит за барной стойкой в розовом тумане стрип-клуба. В руках у него полный стакан лимонной водки. Друзья нелепыми движениями, невольно пародируя сломанных роботов, выдавливают из себя давно забытый дискотечный танец, отплясывая в центре полупустого помещения. Все эти танцевальные па они видели в детстве в дешёвых американских боевиках и теперь это знание по открывшимся туннелям забытых эмоций запоздало выползло наружу. На сцене извиваются миниатюрные аборигенки, бесстыже выставляя на показ все интимные складки своих смуглых тел. А рядом с этим подиумом доступного любому, кто имеет деньги, разврата, сидят пузатые дяди и некоторые тётки, с азартом выбирая из танцовщиц себе очередную игрушку на ночь.

Генрих выпивает залпом содержимое толстостенного стакана и присоединяется к ребятам. Постепенно увлечённые их примером, а скорее просто из желания легко заработать, к ним из теней углов, из-за скрытых портьерами дыр дверей выходят с десяток таек. Все они невысокого роста, пух-

логуемые, черноволосые и одеты в облегающие платья разных цветов, едва закрывающие их оттопыренные, расщеплённые попки. Из мужчин примеру друзей следует всего пара человек. Музыка орёт и бьёт электронными басами ритма по глазам. Генрих практически ничего не может различить за постоянной сменой цветовых вспышек на его роговице. Об него кто-то трётся, он кого-то лапает за крохотную грудь. Наступает угар.

Невидимый диджей ставит новую запись. Под крышей притона непривычно и неожиданно раздаются тягучие звуки саксофона. Генрих видит оранжевые ленты ритма, движения танцующих замедляются. Движения тел из просто похабных переходят в порочно-интимные, завлекающие, дающие понять, что за такой прелюдией по умолчанию должен идти обязательно утончённо извращённый секс. Генрих понимает – играет "Блюз оранжевых джунглей", и ему никуда не деться.

В какой-то момент, сделав движение резче обычного, Генрих проваливается, перемещается из цветного мира алкогольных грёз в чёрно-белый негатив объёмной фотографии. Все окружающие его люди становятся чёрными силуэтами с синхронно открывающимися белыми провалами ртов. Всё почернело и обрело белую ауру, цвета исчезли. Ему становится страшно. Окружающее пространство начинает растягиваться, по бокам скручиваясь перемотанными между собой жгутами в спираль фокуса его зрения. Он осознаёт, что

происходящее реально только в его голове, но ничего не может с собой поделаться. Злачное место накрывает Генриха психодымом эротической дискотеки. Раз, два – и он отключается...

Просыпается Генрих в незнакомом месте. Перед глазами расплываются жёлтые пятна на измятой подушке. Пахнет странно, приторно, чем-то сладким или мучным, и речным илом – липким и неприятным. Он переворачивается на спину. У него ломит пах и страшно болят грудные мышцы. – "Чёрт, отдохнул называется. Все деньги, наверно, спёрли", – думает он, осматривая номер, в котором очутился. Шторы на окнах плотно задёрнуты, но судя по мягким, слава богу, не мельтешащим отсветам на улице светло. Солнце уже встало, значит настало утро. В номере царит сумрак. Различать предметы можно, но для того, чтобы разобраться в нюансах окружающей обстановки, требуется встать и подойти к интересующему предмету ближе.

Кровать, на которой Генрих лежит, большая, высокая, чёрного цвета, с кожаным изголовьем, на котором нанесены неизвестным для него способом картины из жизни кентавров. По обе стороны от изголовья стоят тумбочки, а на них – причудливо изогнутые в виде золотых змей светильники. Справа в стене открытая дверь, видимо, в ванную комнату и ко входной двери. Слева туалетный столик с тумбами и высоким прямоугольным зеркалом в оправе, украшенной разноцветными стекляшками – имитацией под драгоценные кам-

ни. Зеркало повернуто боком к кровати. Генрих встаёт, его майка задралась почти до подбородка, а шорты стали как-то неправильно обтягивать, он хочет полюбоваться на себя любимого, узнать, как на его внешности отразился ночной период разгула, которого, кстати сказать, он во всех сносшибательных подробностях и не помнит. Во всяком случае, большая часть приключений на местной дискотеке вылетела из головы, а может попросту и не поместилась в неё.

Передвигается Генрих с трудом, ему мешает вдруг ставшая неудобной одежда. Он подходит к зеркалу и немного наклоняется вперёд, чтобы лучше себя рассмотреть... Оттуда, из глубины стеклянного небытия, на него глядит грубое размалёванное лицо дешёвой шлюхи. – "О боже! Кто это?.. Неужели это я?!" – его как-то сразу долбит дубиной страха прямо по сердцу и чуть ниже – род ложечку, – а затем и вовсе обуревают трясучий ужас. Взгляд Генриха падает ниже и то, что он раньше принимал за задравшуюся майку, оказывается девчачьим топиком, из которого наружу выпирают настоящие женские сиськи. Он, мгновенно пропотев, хватается за промежность. Больно, но не это пугает. Нету! Его хозяйство пропало! Фантастический кошмар.

Какой-то злой шутник из Генриха сотворил мускулистую бабу. И теперь его будут звать Генриетта. Откуда-то, из давно забытого эпизода беспутной юности вылезают слова: "Иди к сладенькой Генриетте", – и в конце смачный смешок, больше похожий на издевательское предупреждение – "Уиах!". В

наступившей панике мозг бросался непонятными образами и фразами. Про Генриетту он вроде бы слышал в одном из старых ужастиков. Да, точно, там старая мёртвая бабка шла по подвалу и предлагала свои сомнительные услуги героям фильма. – "Брррр. Что же делать-то, мать твою?" – Напряжение прорывается наружу и он, или теперь точнее – она, сгребает разом со столика всю косметику и начинает выть: – Ууууу! Уууу ууу у!

В ответ на его призывные вопли входная дверь открылась и в номер вошли пять весьма сердитых, самодовольных тайцев. Без лишних слов один из них коротко прикрикнул. Генрих сразу заткнулся. От окруживших его людей исходила такая угроза, что он решил побереечь силы и не спорить с ними. Он бочком отошёл к стене, так чтобы оказаться поближе к выходу. Другой таец, самый старший на вид среди них, пытался ему что-то втолковать на плохом английском языке. Генрих не слушал. Он вообще себя плохо контролировал, он знал только одно – ему во что бы то не стало надо выбраться отсюда. Не дождавшись окончания монолога тайца, Генрих рванул с места к двери. К сожалению, двигался он не так бодро, как раньше. Широко раздвигать ноги мешала боль, к тому же, пришедшие к нему в гости местные жители оказались весьма расторопными тюремщиками. Стоящий ближе всех к нему сделал подшаг, преградил путь и круговым движением ноги вlepил ему по ляжке отличный, смачный лоу-кик. Нога мгновенно отсохла – и Генрих сполз по стене

вниз. Его ещё пару раз пнули, прежде чем их главный схватил бывшего Генриха за волосы и отвесил пощёчину. Погрозил строго пальцем, призывая внимательно выслушать всё, что ему говорилось. Вот тогда-то он услышал то, что предназначалось для его ушей изначально. Смысл короткой речи главного сутенёра сводился к простой истине – Генрих стал их собственностью и теперь будет играть в частном подпольном борделе роль пожизненной проститутки, редкой диковинки из Европы, служащей для утех иностранных туристов и богатых тайцев. Его жизнь изменилась. Или приспособляйся, или умри.

Добро пожаловать в мир любви, прокаченная Генриетта.

Много читаешь, умнее не станешь? (Хи Хи Хи)

Глава 1. Знакомство

– Отпустите его.

В словах мальчика десяти-двенадцати лет звучала неприкрытая угроза. Напротив него двое мальчишек, примерно его возраста, потешались над третьим. Самый старший из двух хулиганов, не по годам толстый, заплывший жиром боров, держал жертву за шиворот и протяжно рыгал ему в лицо – "Брэээээ!" – Его спутник, с длинными сальными волосами, второгодник, крепкий и ловкий, отвечивал мальчику пендели и при каждом раскате отрыжки своего приятеля ржал, изображая из себя второразрядного монстра из малобюджетного фильма ужасов. Услышав слова, адресованные к ним, хулиганы остановили свою жестокую игру, и, немного растерявшись от того, что кто-то смел им перечить в их родной школе, повернулись на голос, но жертву из рук не выпустили. Увидев того, кто отдал им приказ (слова, произнесённые с такой затаённой уверенной злобой, могли быть только приказом), они сразу погрузнели. Жирный, словно жалуясь, сказал:

– Иван, чё ты лезешь? Это наши дела. Иди своей дорогой. – Слова-то были правильные, вот только интонация подводи́ла, делала их просящими.

– Ваши дела стали моими. Валите отсюда.

– Ладно, ладно. Мир, – произнёс вертлявый. – В другой раз поговорим. Пошли, Санёк.

– Ага, в другой раз увидимся. Чао, мальчики, – с издёвкой произнёс защитник униженных и оскорблённых.

Боров оттолкнул от себя мальчика и тот, не удержавшись на ногах, влетел в стену и упал. Его защитник подошёл к нему и помог подняться.

– Спасибо, – поблагодарил мальчик. – Без тебя мне бы не жить. Завтра всё начнётся сначала. Они в моём классе учатся.

– Не бойсь, разберёмся. Я тебя знаю, ты в пятом «А» учишься. Тебя зовут... – Иван напряг свою память и выдал: – Слава Яковлев.

– Точно.

– А меня...

Но договорить он не успел, Слава его перебил:

– Кто же Ивана Алёхина не знает. Рад знакомству, – и, утерев нос, Слава протянул свою худенькую ладошку для рукопожатия.

Знакомство состоялось.

Мальчик Слава выглядел щедушным, тонкокостным и красивым, словно девочка. Его же спаситель, наоборот, мог

гордиться высоким ростом среди сверстников и пользовался заслуженным авторитетом, добытым им в многочисленных драках. От компаний школьных хулиганов он держался подальше, с ними он скучал, – не те интересы, не те забавы. Иван предпочитал оставаться одиночкой, в нужный момент используя свои физические данные, полученные им в генетической лотерее от родителей, для отстаивания своей независимости. В школе его уважали и боялись. А вот злоба в нём никогда не бурлила: когда он дрался, он будто бы работу выполнял – нужную, важную, но не любимую. Родившись мальчиком с добрым сердцем, он старался при каждом удобном случае защищать более слабых сверстников. За своё великодушие Иван никакой благодарности не ждал. Учился он на тройки: классические школьные предметы, за исключением биологии, его не интересовали.

Заметив, что хулиганы вытряхнули портфель мальчика Славы на пол и расшвыряли по сторонам его содержимое, Иван помог собрать учебники. Наткнувшись на одну очень толстую книгу в сером матерчатом переплёте, явно художественного содержания, Иван её поднял и протянул Славе, пытающемуся привести себя и портфель в порядок.

– Какая толстая. Про что книга? – спросил Иван просто из вежливости и немного заинтригованный размером книги.

– «Графиня Монсоро», Дюма. Не читал?

– Не-а.

– Да что ты? Книжка высший класс. Я её уже второй раз

перечитываю. Хочешь, дам почитать?

– Да нет, – с опаской поглядывая на её толщину, ответил Иван.

– Бери-бери. Потом мне спасибо скажешь, – настырно суя ему книгу в руки, советовал Слава. – Начнёшь читать – не оторвёшься. Тебе точно понравится. Там про настоящую любовь, честь и дружбу.

Поддавшись на уговоры, а больше – не желая расстраивать спасённого им мальчика, желающего ему сделать что-то приятное, Иван согласился и взял книгу на почитать. Книга ему действительно понравилась, она стала его первой литературной любовницей, но далеко не последней в длинном ряду произведений человеческой мысли. Иван совершил для себя настоящее открытие.

Мальчики подружились и до семнадцати лет держались вместе. Иван шуточно называл своего друга Профессором, а Слава в свою очередь именовал его Героем. Окончив школу, Слава поступил в МГУ на физмат, а Иван вместе с семьёй переехал в Сочи. В следующий раз они встретились только через девять лет.

Глава 2. Встреча

Иван Алёхин к своим двадцати пяти годам, после машиностроительного техникума отслужив в армии, в танковых войсках, возмужал, превратился в высокого красивого парня с узкими бёдрами и широкими печами. Белёные от рождения волосы потемнели и приобрели приятный пшеничный оттенок. С армейских времён Иван привык к коротким волосам и носил причёску ёжиком, выбривал затылок и голову с боков. Зелёные глаза запали глубже в воронки глазниц и оттуда мерцали неломким взглядом холодных, вмёрзших в череп изумрудов. Его мальчишеские густые брови остались в прошлом, словно сгорев в пламени сражения. Рот стал шире, а пухлые губы стали сочными, ещё более соблазнительными для противоположного пола. Щёки впали, резко обозначив носогубные складки, придав его лицу выражение сурового вызова. Подбородок, без характерной ямки, потяжелел и окончательно оквадрился.

Характер Ивана оформился: он, от природы человек не глупый, приобрёл житейский опыт. В первую очередь он понял, что беспощадным надо быть прежде всего к себе, а уже после этого требовать что-то с других. С ним осталось его любопытство ко всему новому, привитое ему лучшим другом детства – Стасом. Переехав в Сочи, он открыл для себя чудесный мир любви. Часто и быстро влюбляясь, Иван так

же быстро охладевал к предмету своей недавней страсти. Он держал свои чувства под жёстким контролем, отлично понимая, что сильные эмоции могут дать человеку очень много, но и забрать могут ещё больше, если он не умеет, как следует, справляться с этим всепожирающим любовным пожаром. Для Ивана за обожанием новой женщины всегда следовало разочарование, переходящее в презрение.

Не проходящее же влечение он испытывал только к книгам, стихам и в последнее время распробовал вкус фильмов разных стилей и направлений, объединённых наличием в них непримиримых конфликтов между героями и являющие собой пример триумфа воли над предлагаемыми безвыходными обстоятельствами. Сравнительно новым увлечением для него стало увлечение спортивными машинами. Средств на приобретение настоящего спортивного кара у него пока не хватало. Но он поставил перед собой цель и, будучи по натуре упёртым, целеустремлённым, планировал купить машину в ближайшие три года. А имя машина-мечты – фورد «Мустанг». В свободной продаже отсутствующая, ибо в нашу страну из Пендосии напрямую не поставлялась, а попала в Россию частным порядком.

Сейчас Иван работал заведующим распределительным центром городской овощной базы. Место досталось ему не просто так, пришлось пахать день и ночь, начинать свой подъём по карьерной лестнице с простого грузчика, чтобы через три года дослужиться до полновесного хозяина склада.

Вроде бы всё в жизни складывалось хорошо, но чего-то не хватало. Яркое светило солнце, совсем рядом шумело тёплое море, несли улыбки на длинных гладких ногах прекрасные загорелые девушки. Каждый летний сезон в изобилии прибывали новые свободные женщины на отдых. Любовь с ними, конечно, тянула исключительно на одноразовую. Зато её, этой одноразовой любви, было много, – разнообразие на любой вкус. С годами всё это превращалось в пресный гарнир, а отсутствие главного блюда на духовном столе – настоящей любви, – сказывалось всё острее. Книги и фильмы по-прежнему выручали. Жаль только их герои, многократного изученные им с разных сторон, стирались, как изображение на старых монетах. Их образ тускнел, замыливался, произносимые киногероями слова уже так не трогали, а новые книги почему-то не захватывали, не дарили ощущения сопричастности к действию происходящему на страницах. Только книги и фильмы, которые Иван прочитал, увидел до двадцати одного года, могли оставить в душе борозду и при повторном просмотре, к сожалению, со временем, всё менее глубокую. Иван тосковал, и чтобы забыться посвящал себя полностью работе.

В один из обычных будних трудовых дней, на излёте лета, во влажных, быстро сгустившихся сумерках Иван возвращался домой. Припарковав свой Опель на охраняемой стоянке за полкилометра от дома, Иван не спеша топал домой, наслаждаясь пропитавшимся морской солью воздухом

развлекающегося последние летние дни курорта. От побережья доносилась какофония весёлых звуков заканчивающегося праздника. Алёхин неделю назад расстался со своей очередной пассией, и как никогда ощущал себя полностью свободным вольным стрелком. Ещё год назад в схожих обстоятельствах Ивана подбрасывало бы от распирающей энергии нереализованных планов, а сейчас только лишь щемило в левой половине груди и не хотелось идти домой. В его жизни явно чего-то не хватало. Отсутствие присутствия.

Иван шёл по тротуару и уже подходил к подъезду, когда его обогнала длинная чёрная лаковая иномарка представительского класса. Проехав несколько метров вперёд, машина затормозила, точнее – моментально встала, как вкопанная. Пассажирская дверь открылась и из салона вылез маленький человек в аккуратном полосатом костюме, немного напоминающем гангстерский прикид тридцатых годов прошлого века. Лицо остренькое, умненькое, не потерявшее с годами своей наивной красоты. В глазах красавчика «гангстера» летали озорные искорки. Этот суетливый человечек, прилизанный, вычищенный до блеска, будто медный самовар, встал поперёк дороги Ивана и тихо так, с сиплым придыханием, словно заговорщик, произнёс:

– Здравствуй, Ваня.

Алёхин застыл, узнавание друга парализующем ядовитым шипом ударило в солнечное сцепление. Он покачнулся и на всю улицу заорал:

– Профессор! Родной ты мой человек! Славиийик!

Друзья бросились навстречу объятьям. Со стороны могло показаться, что они готовы вцепиться в глотки друг другу, так резки, порывисты, выглядели их движения, но кончилось всё звонкими похлопываниями по спинам и крепким мужским рукопожатием.

Сидели в ресторане на берегу моря. Стол ломился от принесенных блюд и по-праздничному нарядных бутылок. Иван и Слава стремились наверстать вынужденные годы разлуки. Они и сами не понимали, как так получилось, что связь между ними оборвалась неожиданно, а главное, как им казалось, – навсегда.

Рассказывали про свою жизнь, работу. Больше говорил Иван. Многословностью он никогда не отличался, а сейчас плотину прорвало. Друзья поменялись местами. Если раньше всегда первым начинал говорить Слава (он был великолепным рассказчиком, интеллектуальным заводилой), то теперь он предпочитал отмалчиваться. Единственное, что Слава позволил о себе поведать, это то, что он состоялся как учёный и успел сделать карьеру на поприще исследований и открытий. Вячеслав Яковлев в своём научном мире дослужился до профессора физико-математических наук. Теперь его детская кличка себя полностью оправдывала. Он стал самым молодым профессором в стране.

Нашёл профессор Ивана не просто так поностальгировать, вспомнить прошлое. Особенно учитывая, как Яковлев

это самое школьное прошлое не любил. Пожалуй, положительное исключение в эмоциях о том времени составлял сидевший рядом с ним слегка захмелевший человек. Но даже его Слава предпочитал не вспоминать, слишком тягостные воспоминания о своей беспомощности тащил за собой любой образ из его (слава богу!) прошедшего безвозвратно тягучего серого детства. Именно Слава, выбравшись из клетки школы, решил оборвать все старые связи, забыть. Это далось ему необычайно легко: до поры до времени он вычеркнул из памяти слабость детства, депрессию юности, а с ними и единственного друга стёр, как лишнюю формулу, начерченную мелом судьбы на доске жизни.

Вячеслав очень изменился, его дух заматерел, мысли приобрели ясную чёткость, а характер алмазную прочность. Трудился он в закрытом научно-исследовательском институте, занимающемся пограничными, непонятными и закрытыми для официальной науки проблемами. Яковлев был руководителем сразу нескольких тем, сведённых его разумом в единую систему создания его собственного фантастического детища. Институт, цеха экспериментального производства, общежития работников и собственные подсобные хозяйства НИИ были объединены Яковлевым в один комплекс. Секретный объект за номером 646 прописался под Екатеринбургом, городом хотя и крупным, но серым и негостеприимным.

Месяц назад Яковлев закончил секретный проект, финансируемый государством. Установка готова, осталось найти

надёжного, преданного делу добровольца с развитым воображением, отвечающего строгим требованиям, предъявляемым к испытателю, на которого можно положиться, как на себя. Вот тогда-то Яковлев впервые за девять лет вспомнил о своём единственном друге детства. Найти Алёхина при теперешних возможностях Яковлева не составляло труда. Теперь Яковлев сидит здесь рядом с морем, а тёплый ветерок обдувает его и его друга. Профессор смотрит на своего товарища и чувствует, как в сердце червячком ворочается что-то похожее на раскаянье.

Посидев ещё часа два, в волю наевшись и напившись, друзья покинули ресторан. Заночевать решили у Ивана дома.

На следующее утро Иван встал около семи часов, бодрый и свежий, как будто и не было вчерашних обильных возлияний. Отжавшись свои традиционные двести раз от пола, он пошёл на кухню. Жил Иван в своей трёхкомнатной квартире один. Её он взял в кредит год назад и до сих пор не успел окончательно обставить. Обстановка напоминала военный лагерь: ничего лишнего, одна необходимая настоящему мужчине функциональность. Разве только Иван успел к сезону оборудовать квартиру системой кондиционирования и во всех её помещениях всегда поддерживалась его любимая температура – восемнадцать градусов. Свежо. На кухне, сидя за столом, его уже поджидал Яковлев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.